

ГУСЫНЯ

– ПОВЕСТЬ –

...Я не знаю, куда они меня везут. Вернее, знаю. Есть только два варианта: либо в психушку, либо в полицию. Я сижу на заднем сиденье полицейского автомобиля в окружении двух булей*. *(Полицейский.)* На руках у меня наручники. Если бы везли в психушку, надели бы смирительную рубашку... или? Машину раскачивает на поворотах, и були почти наваливаются на меня, прижимаясь плечами. Как тогда. В авто, когда...

Фленсбург, пять дней назад

Меня зовут Конни. Вообще-то, мне более по душе Корнелия, но все зовут меня Конни. Я толстая, некрасивая, и лицо у меня в прыщах. И я давно махнула на себя рукой.

Врач-косметолог говорит, что к двадцати пяти годам всё может измениться. Я имею в виду прыщи. Но мне плевать. Я же сказала, что давно махнула на себя рукой. Я работаю в госпитале «Святой Маргареты» – медсестра со средним образованием. Помогаю раздевать и мыть покойников. Хорошенькая нагрузочка к прыщам, не так ли?

Среди человеческих существ у меня нет друзей. Если не считать нашего патологоанатома – коренастого малообщительного мужичка лет сорока по имени Буркхарт. Мне кажется, Буркхарт влюблён в меня – он ведёт себя со мной как кавалер. Но я не отвечаю ему взаимностью. Мужчин я не воспринимаю как класс, а, тем более, приземистых и замкнутых. Но Буркхарту это не мешает. Он всё равно ухаживает за мной, а когда я появляюсь в поле его зрения, говорит мне невысказанные комплименты и пожимает ласково руки. Ладони у него тёплые, гладкие и сухие.

Кроме «Святой Маргареты» я работаю бэбиситером в одной семейке: они звонят мне, когда отправляются на бесконечные пати и не с кем оставить их «малыша», как они выражаются, на деле же – четырёхлетнего своенравного и довольно хитрого мальчика по имени Бьёрн.

Скажу сразу, что с Бьёрном поначалу было труднее, чем с покойниками. Вечером он придумывал всё что угодно, только бы нарушить свой режим и не идти в постель: то он боится темноты, то в шкафу сидит Штефан Рааб*, *(Популярный в Германии телеведущий, ежедневно мелькающий на частном канале "Рю-7". Обладает весьма агрессивной внешностью, неестественно большими и белыми "голливудскими" зубами и командно-истеричным голосом.)* то сказки я, видите ли, читаю по книжке, а не рассказываю от себя своими словами, как мама, да ещё номера страниц при этом называю...

Сказать по-честному, Бьёрн прав, и всё потому, что сказки я ненавижу с самого детства. Я никогда не забуду, как накануне моего пятилетия мама читала мне сказку перед сном. «Хэнзеля и Гретель» Братьев Гримм, если это так важно. Дверь в мою детскую была приоткрыта, и в гостиной папа смотрел телек. Он смотрел и сопел,

смотрел и сопел. И, как я теперь понимаю, слушал в пол-уха, что там мама мне читает. И в какой-то момент папа не выдержал, вошёл решительно в спальню, и даже не замечая меня, громко воскликнул, обращаясь в маме: «Ты просто буквы произносишь или всё же вдумываешься в смысл?!!»

Мама посмотрела на папу растерянно, потом опустила взгляд в книжку, которую держала на коленях, и прочитала, на этот раз, по-видимому, вникая в смысл: «Они, конечно, жалели, что отвели своих детей в лес, но иного выхода не было: как говорят, лишний рот – много хлопот*». *(К чести русских писателей-переводчиков, такого рода «перлы» этой и других сказок, принадлежащих перу означенных авторов, были сглажены, а самим текстам придана поэтичность и красота, напроочь отсутствующая в оригиналах – не по-сказочному суровых и диких.)*

И в этот момент я увидела в глазах мамы ужас. И этот ужас передался в тот вечер пятилетней мне. Я ещё не понимала, что такое «лишний рот», но прекрасно могла распознавать эмоции и их оттенки, особенно если речь шла о моих родителях. А когда выросла, то перечитала на досуге из чистого любопытства ту самую сказочку. И никак не могла совместить потом в своём сознании два факта: сначала они отвели своих детей в лес, а потом, когда дети, пережив смертельную опасность, вернулись, искренне были им рады. Что, кризис миновал?.. Да, Гримм так и пишут, что за время отсутствия детей родители поправили своё материальное положение. Грош цена таким родителям, вот что я скажу.

Так что когда мамаша Бьёрна потребовала от меня чтения сказок по вечерам, я заметно напряглась. Я знала, что не смогу читать всю эту галиматью; что ребёнок просто не поверит в мою искренность, что я либо начну, не вдаваясь в смысл, зачитывать слова (а вместе с ними и номера страниц), либо мне снова, как тогда, в мои неполных пять лет, станет жутко. В любом случае ребёнок почувствует фальшь, и я просто лишусь этой работы.

Но очень скоро я придумала трюк: на аудиокассету я записала голос фрау Тельман, мамыши Бьёрна, с *правильно рассказанной* сказкой, и продемонстрировала мальчику чудо техники, сопроводив свою демонстрацию соответствующим рекламным текстом:

«Сейчас мама из этой серебристой штуки будет рассказывать тебе сказку. А если ты закроешь глаза на минутку, а потом откроешь их, мама будет рядом и поцелует тебя. Ты хочешь, чтобы мама тебя радостно обняла и поцеловала... как в сказке?»

«В какой?»

«Про Хэнзеля и Гретель, страница двадцать три».

«Да».

«Тогда закрой на минутку глазки и слушай...»

После этого трюка проблем больше не было. Обманутый мной ребёнок закрывал на минутку глаза, а когда открывал их, было уже утро, и мамаша, всю ночь прошившаяся, хрен знает где, входила в спальню своего малыша с заготовленным поцелуем на устах. Такая вот идиллия.

Тельманы сказали, что я очень изобретательная и умная девочка. Хотя я знаю, что фрау Тельман меня ненавидит, и дело тут не в прыщах – просто ни одна другая дура не согласилась бы сидеть с их «малышом» вечер и полночи за три евро в час.

Я снимаю квартиру на Дубургер Штрассе, вожу старенький Опель-корса, который подарил мне папа на двадцатилетие, и все, кроме фрау

Тельман, считают меня полной дурой, в том числе Герберт. Герберт – хозяин дома, где я проживаю. Герберт тоже устроился неплохо. За мой счёт, разумеется. Я плачу ему двести евро в месяц, плюс двойной кауцион, мою у него в бюро посуду, которую он ухитряется наваливать горами, убираюсь на этаже, где расположено это самое его бюро и фирма звукозаписи «Джем-Штудио» и гуляю с Карениным. Каренин – самое нормальное существо в этом мире, если закрыть глаза на то, что он трус и ссыкун. Нет ни одного столба или дерева, которые он не мечтал бы обоссать; а если учесть, что гуляю я с ним по пешеходной зоне, можно себе представить, какими глазами смотрят на меня прохожие.

Каренин – огромная колли-переросток. То есть даже для кобеля он скорее лошадь, чем собака. Особенно, когда по улице иду с ним я – с моим-то ростом!

Пятница

На этот раз я решила загрузить псину в машину и проехаться к морю. Сразу за доками, если ехать по шоссе номер два – прекрасный променад вдоль самой кромки берега, а выше – склон, поросший лесом. «Монтань-де-форе», как говорят лягушатники.

С этого леска всё и началось. Оставив машину на маленькой стоянке с вдохновляющей табличкой «Здесь мы не отвечаем за сохранность вещей в вашем автомобиле», я начала спускаться по грунтовой дороге, ведущей к пляжу. Там внизу, в просвете между деревьями – разгар сезона. Жёлтый песок, полуголые парни в спортивных шортах и девицы, загорелые и без прыщей. Я представила себя с Карениным на этом жарком, бесконечном празднике здоровья и свернула левее – где по-над берегом тянется тропинка, ведущая в лес.

Лесом это можно назвать весьма условно. Так, деревья, сквозь которые с одной стороны просвечивает шоссе номер два, а с другой – синяя кромка моря и этот дурацкий песок с голыми парнями и девицами.

Каренин обоссал все деревья и двинул направо – просто тянул меня на поводке, и непонятно было, кто к этому поводку привязан – я или он.

Вот тогда-то я его и отпустила. Глупый пёс, почувствовав свободу, метров через триста обоссал ещё одно дерево, а потом свернул влево, в сторону шоссе, прочь от моря, в дикий кустарник, по едва заметной чавкающей дорожке, размокшей от вчерашнего дождя. Я бросилась за ним, пытаюсь не упустить из виду, потом догнала, но поводка не поймала, только дала лёгкого пинка. Но к тому времени он уже выскочил на эту поляну.

Как только я увидела то, что увидела, то сразу же сказала: «Ну, Каренин, лучше бы я пошла с тобой сегодня в город». На поляне, у поваленного дерева лежал мужчина, прижимая руки к животу. Белая рубашка его была черна от крови. Он прерывисто, судорожно дышал. Кровь стекала на траву и чернила её тоже. Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: ранение в желудок, потеря крови... Глаза его закатывались, обнажая воспалённые белки, губы были синие, а лицо – серый пергамент кожи покойника. В общем, я подошла, присела возле него и тихо, спокойно объяснила, что двигаться лучше не стоит, что ему проделали дыру в животе размером с кулак, и что всё в порядке. Нужно

только немного ещё полежать без движения и дожждаться, пока всё закончится.

– Помоги мне, – прохрипел мужчина.

Я попыталась втолковать ему, что умрёт он минут через десять, и что я забыла дома в сумочке хэнди* (*Сотовый*) и позвонить по «110»* (*Notrufzentrale – Экстренный вызов.*) не смогу. И что даже если бы я позвонила, когда они найдут его здесь, ему уже будет наплевать, в какой морг, при какой клинике его повезут.

– Помогите, – вновь прохрипел мужчина, обращаясь на этот раз к верхушкам деревьев, шелестевшим над нашими головами.

– Ну как я могу помочь, – взорвалась я, – если вы уже без трёх минут покойник?!!

– Я плачу, – слетело с его синих губ. Я не совсем поняла – плачет он или платит...

– Ещё бы, надо думать, – призналась я, – с такой-то дырищей в животе. Хорошенькая расплата! А если вы плачете, то можете мне поверить, скоро всё закончится. И чем меньше вы будете суетиться... Короче, не пытайтесь даже разговаривать.

Каренин резвился вокруг, виляя хвостом и вылизывая в траве ещё тёплую кровь. Очень мягко, по добром, я попросила сукиного сына, чтобы он хоть немного уважал покойника, а так как Каренину начхать на уговоры, пришлось отойти и привязать собаку к дереву.

Мужчина вновь позвал меня.

– Вы зря меня зовёте, – успокоила его я, – я всё равно ровным счётом ничем не смогу помочь вам. Только если раздену и обмою вас в анатомическом театре... если вам повезёт, и вы попадёте в Святую Маргарету. Знаете, вверх по Доротеен Штрассе и направо?.. А повезут вас, без сомнения, туда. К нам всегда собирают всех найденных в городе и его черте.

– А здесь, – добавила я, – я даже и подходить к вам не собираюсь. Вы что, хотите, чтобы я вернулась в город вся перемазанная кровью, словно мясник на бойне, а потом ко мне домой заявила полиция с вопросами, как и чем я укукошила здорового мужика?!! И, собственно, зачем мне подходить к вам?.. Если бы в клинике... можно было бы промыть вашу дырищу, затолкать обратно кишки и наложить бандаж... а здесь, в лесу... Вы полагаете, я таскаю с собой аптечку первой помощи, когда выгуливаю пса?.. У меня даже в машине нет аптечки...

Обеспокоенный привязанный к дереву Каренин принялся визгливо лаять.

– Вот, – я раскрыла свою наплечную сумку, – вот мои водительские права, кошелёк с кредиткой банка «24», двадцать евро мелочью и тампоны «ОВ». Вот ещё кассета с записью сказки братьев Гримм, но она-то вас точно не успокоит.

Каренин дёргался на своём поводке, рискуя сломать себе шею.

– Всё, – сообщила я, направляясь к псине и отвязывая её от ствола уже обоссанного дерева, – я ухожу. Очень печально, что с вами всё так приключилось, но «милль пардон», как говорят лягушатники. Как-нибудь, в другой раз.

И вот тогда он сказал ЭТО. У меня даже рука разжалась, в которой я сжимала поводок. А Каренин, подло воспользовавшись моментом, рванул прочь с поляны в кусты, только его и видели.

Решив, что ослышалась, я подошла к покойнику ближе.

– Что вы только что сказали? – как можно внятнее произнесла я, решив, что он бредит. С бредящими нужно говорить очень спокойно и внятно.

– Поцелуй меня, девочка, – прошептал тот синими своими губами.

Конечно, он бредил. Ясное дело, бредил. То, что я девочка, может ещё, не бред... А вот, «поцелуй меня»... Если бы он не умирал, я решила бы, что надо мной издеваются. Как всегда. Никогда, ни разу в жизни, ни один парень не просил, чтобы я его поцеловала. Нет, вру. Один просил. «Поцелуй меня, лягушка, – сказал он, – может, я стану принцем?» С тех пор у меня закрепилась стойкая ненависть ко всем парням и некое родство с лягушатниками. Хотя среди француженок бывают очень даже хорошенькие женщины.

– Поцелуй меня, девочка, – вновь простонал покойник и окончательно добил меня: – Ты такая красивая! Я плачу... я... на...

– Вы что это, серьёзно? – поинтересовалась я, вновь приближаясь к поваленному дереву.

На этот раз я внимательно рассмотрела лежащего под ним мужчину. Молодой. Тридцать два, не больше, хотя смерть старит. Турок. Турок или грек. Карие глаза. Изредка его взгляд фокусировался на мне, а затем карие его глаза вновь закатывались, обнажая влажные воспалённые белки.

Одет он был в светло-голубые, измазанные в грязи джинсы... белая рубаша вся в крови, рукава закатаны. Красивые сильные руки. (Поцелуй меня.) Из рта у него чёрной струйкой текла густая кровь. Всё как и полагается при ранении в живот.

«Поцелуй меня. Ты такая красивая. Я плачу». Как романтично!

– Я заплачу, – прохрипел вновь мужчина, – заплачу, если поцелуешь! На...»

И тут до меня дошло: он собирался меня поцеловать, да ещё за это заплатит!!! Да ещё «на...» На – это значит «наверное»! Может, заплатит, может просто засосёт, измазав кровью.

– Какого чёрта?!! – воскликнула я, неожиданно переходя с ним на «ты». – Я что тебе, кукла какая-нибудь? Проститутка?!! Поцелуй! Красивая! Заплатит он, видите ли!!! Вы, мужики, только о сексе думаете! В такой момент! Такой момент, а он – «поцелуй»!

И, развернувшись, я направилась вдоль по этой дурацкой тропинке в поисках Каренина.

Дурацкая псина не убежала далеко: поводок его запутался в ветвях, петля сжимала собачье горло, затянувшись туго-туго, и вид у Каренина был теперь как у того турка: глаза закатываются, язык вывалился... «поцелуй меня».

– Сейчас, сейчас, бедная псина, – шептала я, – не дёргайся. Представляешь, он хотел, чтобы я его поцеловала!

И от обиды непонятного происхождения я уткнулась лицом в собачью шерсть, добавляя себе тем самым на лоб ещё пару прыщей.

Я убралась на этаже у Герберта, перемыла ворох посуды, вручила ему Каренина, получив в ответ мельком брошенную фразу: «Ты сегодня такая румяная, Конни, как колобок, поджаренный на масле!» Раньше он

мне и этого не говорил. Раньше он просто не замечал моего присутствия. Ему было до лампочки – есть я или нет меня. Все вспоминают обо мне только когда им нужно что-то сделать.

...Вечером я смотрелась в зеркало. При включённой лампе никакой красоты я в себе не обнаружила. Выключила лампу, зажгла свечи. Расставила их по краям зеркала так, чтобы лицо моё освещалось равномерно и не так сильно, как при электрическом свете. Вгляделась в своё отражение... Круглое, золотистое в свете свечей лицо, и в самом деле покрытое здоровым румянцем – лишнее подтверждение, что гулять у моря полезно для здоровья. В сущности, и есть колобок, но если немного поправить волосы, а ещё лучше, подождать, когда отрастёт «ошибка очередной парикмахерши», и пойти на этот раз в дорогой салон...

– Что, я и в самом деле красивая? – спросила я у своего отражения.

Это напоминало старую глупую сказку братьев Гримм:

«Зеркальце, зеркальце на стене...

Я ль прекрасней всех в стране?»

Тьфу, чушь и гадость!

К девяти часам у меня созрел окончательный приговор самой себе: «Ты некрасивая, Корнелия, но если почаще будешь выходить на свежий воздух, да ещё поборешь в себе этот дурацкий комплекс неполноценности и появишься разок на пляже...

– И в самом деле, лучше бы я пошла на пляж, – заключила я.

Мысли сами собой вернулись к тому турку. Наверяд ли его нашли. В такую глушь никто не забирается. Кроме меня, идиотки, и сумасшедшего пса.

Конечно же, он умер. Я имею в виду не пса, а того... Судя по всему, он не должен был мучиться. Просто уснул от потери крови. Как засыпает этот Бьёрн, когда мамаша с кассеты читает ему все эти сказки.

В десять, когда я уже улеглась в постель, меня озарила ещё одна идея: «А ведь эти восточные мужики редко ошибаются. Они знают толк в женщинах!»

– Девочка! Девочкой он тебя назвал, – прошептало мне в ответ моё сознание, – не женщиной, а девочкой.

– Да, конечно, – буркнула я в ответ, – лучше бы звучало «женщина, поцелуйте меня»!

– О чём вообще ты говоришь?! – вступило сознание со мной в диалог. – На твоих глазах умер человек, а ты рассуждаешь...

Дальше сознание не договорило. Я просто вырубилa его волевым усилием. Уж чего-чего, а силы воли мне не занимать.

...Машину я поставила всё на той же стоянке с глумливой надписью о возможной пропаже вещей. Только теперь была ночь. Чёрная, непроглядная ночь с глубоким, бездонным, как океан, синим небом над головой: три звезды и луна. В сущности, полнейшая чернота. И в ещё большую черноту я собиралась отправиться. Одна. Даже без собаки.

Скользнув рукой по панели управления, я распахнула бардачок. Белый свет осветил мои руки, отразив их на мгновение в лобовом стекле автомобиля, и я отпрянула от неожиданности: мне показалось, что кто-то оттуда, снаружи, за лобовым стеклом, где ночь, протянулся ко мне мёртвыми, бледными... Я отсекала эту фантазию в зародыше. «Уж если ты решилась на это, Корнелия, так будь добра, побереги своё воображение

для тёмного зала кинотеатра. Теперь не время. Если ты, конечно, и в самом деле решилась туда пойти».

Ручной фонарик, одолженный мне Гербертом, долго не зажигался: дрожащими пальцами я всё никак не могла справиться с кнопками на его корпусе. Наконец, когда черноту пронзил тонкий яркий луч, я немного успокоилась, взяв себя в руки. Луч выскользнул из салона, осветив чёрные силуэты кустарника на обочине. Слева, вдали, время от времени проносились по шоссе номер два ночные авто, и всё вновь затихало, погружая стоянку в могильную тишину, взрезаемую пронзительным стрёкотом ночных цикад.

Заперев свою «Корсу», я направила луч фонарика в сторону предполагаемой дороги, уходящей к побережью. Каренин... если бы сейчас со мной был Каренин, он наверняка безошибочно протащил бы меня сквозь ночь к тому самому месту. Но что я могла сказать уже спящему Герберту? «Дай собаку, хочу прогуляться в полвторого ночи?»..

Грунтовой дорогой я начала спускаться по склону. Впереди, невидимое, шипело прибоем море, а тёмно-синего неба над головой теперь не было видно: его закрыли чёрные кроны деревьев. Триста метров – и налево. Это я хорошо помнила.

Каренин свернул через триста метров. Теперь метров двести пятьдесят по дороге, ведущей вдоль моря. С колотящимся сердцем я принялась отсчитывать шаги. Метр – это два моих шага. Пятьсот шагов. Досчитав до четырёхсот, я принялась шарить лучом фонарика по левой стороне обочины в поисках тропинки. Там была тропинка, ведущая вглубь леса. Днём сквозь поросшие ломкими ветвями стволы с одной стороны просвечивало шоссе, а с другой – синяя кромка моря и этот дурацкий песок с голыми парнями и девицами; теперь – сплошная темень. Только шум шоссе впереди и шипение морского прибоя за моей спиной. И предательский луч фонаря, что в моих руках.

Кто знает – одна ли я сейчас в этом лесу?.. Людей может привлечь луч света... А, может быть, те, кто убил этого парня, в этот же момент возвращаются к злосчастной поляне, чтобы уничтожить улики...

– Какие улики, дура, – неуверенно забормотал внутренний голос. – Бытовое убийство. Обыкновенная разборка. Мало ли таких доставляли в Святую Маргарету! И никто никогда не находил ни их убийц, ни улик. Это только в газетах пишут, что правосудие восторжествовало. На самом деле – нож под ребро – и конец.

– Вот именно, – зашептала я, испугавшись своего собственного шёпота, – нож под ребро, и никому никогда и в голову не придёт, что делала в этом лесу маленькая уродка с прыщавым лицом.

...«Поцелуй меня, девочка»..

Я приостановила шаг, тут же сбившись со счёту, и уткнула луч фонарика в землю.

«Я, наверное, сошла с ума. Что я делаю здесь?..»

Нет, всё! Эти мысли вовсе ни к чему. Усилиям воли я подавила их. Оставшиеся усилия понадобились на то, чтобы заставить себя выключить фонарь. Лучше, привыкнув к темноте, двигаться по лесу, никем не замеченной, чем шарить фонарём направо-налево, как полная дура. Всё равно, кроме ветвей деревьев и кустарника, ничегошеньки не видно.

Справившись с кнопками фонаря, я присела на корточки, обхватив голову руками, прислушиваясь к звукам вокруг и привыкая к темноте. Когда я отняла от лица руки, прямо перед моими глазами в неверном

свете луны маячила та самая тропинка!

Поднявшись с земли, я двинулась вперёд. Где-то здесь, метрах в ста, Каренин свернул вправо, на совсем уже непроходимую, чавкающую тропку, которая приведёт меня к поваленному дереву.

...Поляну я обнаружила по раздвинувшимся кронам, сквозь которые словно вырезалось над моей головой синее, с луною, небо. И тут же всё стало видно. Не нужно было никакого фонаря, чтобы увидеть это дерево. И белая рубаха его, вернее, те белые лоскуты, которые не пропитались кровью, горели в свете луны, словно синие гнилушки поросшего мхом пня.

Я остановилась как вкопанная, стараясь поймать хоть стон, хотя бы хрип его дыхания. Иначе зачем я припёрлась сюда, как не в надежде, безумной надежде, что он ещё жив...

– Эй, вы, – позвала я и тут же осеклась. Что я могла сказать ему?.. Что просидела целый день, вечер и ночь перед зеркалом, даже не подумав набрать «110», а потом, ночью, двинула сюда, даже не прихватив с собой аптечки первой помощи?.. – Эй, вы...

Ответом мне был слабый стон. И этот стон словно разорвал некие пути, сковывающие меня до сих пор. Я бросилась к поваленному дереву, к этим светящимся в ночи белым лоскутам его рубашки, упала на колени и приблизила своё лицо к его лицу.

– Девочка, – прошептал он.

– Поцелуй меня... Скажи мне *поцелуй меня*, – в отчаянии зашептала я, – скажи мне... мне ещё никогда... мне никто...

Слёзы покатались из моих глаз, прожигая едкие бороздки на щеках...

– Скажи мне! Поцелуй меня! Поцелуй меня! Поцелуй меня!

– Девочка, поцелуй меня, – шептала я сама себе в ответ, а потом, когда он прерывисто, судорожно вздохнул, я прижалась к его губам, чёрным от крови, ощутив её солоновато-горький привкус, словно в рот ко мне бросили пригоршню медных монет, протянула руки к его волосам, прижалась к нему, почти задавив его своим весом, и всё шептала, теперь уже ему в рот:

– Я люблю тебя... я хочу тебя... я люблю тебя! Возьми меня! Возьми меня прямо здесь!

И в этот момент что-то щёлкнуло, и глаза мне взрезал яркий, белый, слепящий луч...

Я вскочила, ничего не понимая, повалив торшер, стоявший возле кровати и пролив на пол остатки не допитого с вечера чая. Солнце врывалось в окна, слепя глаза, из которых всё ещё текли жгучие слёзы, залившие всё моё лицо и наполнившие рот горькой слюною.

– Дура! Полная идиотка! Текущая сука! Гусыня!!!

Теперь я металась по комнате, силясь прогнать из сознания остатки такого реального сна, а в голове моей звенело тем временем: «Поцелуй меня... Скажи мне «поцелуй меня», скажи мне... мне ещё никогда... мне никто... я люблю тебя... я хочу тебя... я люблю тебя... возьми меня... возьми меня прямо здесь...»

Суббота

Вот так началось это субботнее утро. И ещё оно началось с дождя.

Несколько часов подряд я просто боялась выйти на улицу. И не потому, что моросило, а потому что понимала: я не могу показаться на люди до тех пор, пока в моей голове не перестанет звенеть ЭТО.

Я приготовила крепкий кофе и приняла душ, врубив на полную громкость высококачественную стереосистему, установленную тут же в ванной комнате (подарок Герберта и всей его «Джем-Штудии» мне на день рождения). И вот когда я принимала душ, я почувствовала на своём теле нечто.

Вначале запах этот показался мне запахом прелой земли и сырой травы... потом запахом крови... Выйдя из душа, я вновь сварила кофе, а затем вновь встала под душ, вновь врубив стереосистему. Запах не исчезал. Он преследовал меня, когда я переходила из комнаты в комнату, когда я в третий раз стояла под душем, натираясь шадящим, как написано в рекламе, гелем «Лавендель», оглушаемая «Розенштольц»; и когда я в четвёртый раз варила себе кофе. И только тогда, когда я вышла наконец-таки, на улицу, и в лицо мне пахнул свежий утренний, охлаждённый дождём ветер, я поняла, что запах, преследующий меня, сидит во мне: не в моей коже, не в волосах, а ВО МНЕ, в моей голове, в сознании, в памяти... Тот самый запах, который у нас в «Святой Маргарете» называли невытой вонью.

Но запах этот для меня приобрёл теперь новое название, которое выкристаллизовалось само собой, помимо моей воли и желания, как только я, спустившись по Дубургер к заливу, прошла по Баумваль Штрассе, с её «дёнёрскими» и турецкими забегаловками.

Запах Мужчины. Сильного, красивого, крепкого мужчины – оттуда, не из нашей галактики. В той галактике все так пахнут, и достаточно лишь лежать рядом и до одурения вдыхать этот запах, чтобы быть счастливой.

А пока я просто бродила, уже одуревшая, по улицам... нет, ещё хуже – я моталась, словно собака на поводке из одного конца Баумвальштрассе в другой, ощущая, как во мне зарождается совсем иное мировосприятие.

Очевидно, нечто произошло с моей внешностью, потому что мужчины – на Баумваль в большинстве восточные – смотрели на меня не так, как раньше. Нет, конечно, после всех этих душей у меня не исчезли прыщи; напротив – лицо теперь горело, раздражённое и высушенное шадящим гелем «Лавендель», и я не превратилась в красавицу, но мужчины смотрели на меня по-иному.

На углу Кашпановой Аллеи и Баумваль, в маленькой турецкой забегаловке с названием «Достлар» я купила дёнёр* (*Аналог русской Шурмы. Очень популярное в Германии блюдо. Приравнивается к «фаст-фуд».*) и тут же за высоким столом, до которого едва доставал мой подбородок, съела его. Загорелый волосатый красавец за стойкой – в белом, измазанном соусами и ещё бог весть чем фартуке и с разделочным ножом в руке, улыбнулся мне. Я улыбнулась в ответ. «Вчера в лесу, – захотелось мне вдруг сказать ему, – я видела такого же, как вы, только он не держал в руке ножа – ему ножом вспороли живот... он был такой красивый! Не живот, разумеется, а мужчина. Мне кажется, я до сих пор не могу успокоиться...»

И в самом деле он был красивый, и я не могла успокоиться, и за окном дёнёрской – широким, но пыльным – моросил дождь, и вчера я в

лесу упустила свой шанс. Вот оно! Вот, что меня мучило! ВЧЕРА В ЛЕСУ Я УПУСТИЛА СВОЙ ШАНС. Потому что больше никто не подойдёт ко мне и не скажет *Поцелуй меня, девочка*. Никогда в жизни не подойдёт.

В помещение ввалились ещё несколько турков. Вначале я почувствовала их запах, а потом только обернулась. Обернулась – чумазая, вся перемазанная кетчупом, с листьями салата на губах – и сразу наткнулась на улыбку. Нет, это не была улыбка презрения. Это была добрая улыбка. «Поцелуй меня, девочка, – говорила эта улыбка, – ты такая красивая!»

Тот, кто мне улыбался, вошёл в компании ещё троих. У одного из них, у самого молоденького, была перевязана левая рука в области запястья. Я, может быть, и не обратила бы внимания на эту мелочь, если бы рука была перебинтована правильно, а так... Синие пальцы высовывались из-под повязки, словно спелые сливы. И вид был у парня какой-то горячечный, словно он уже подхватил сепсис – говоря простым языком, заражение крови.

Двое и неправильно перевязанный о чём-то глухо спорили, стараясь не повышать голоса; а этот, мой, тот, что с улыбкой, смотрел на меня и продолжал улыбаться. Его ничуть не смутило, что теперь и я разглядываю его в упор.

Продолжая его разглядывать, я достала из наплечной сумки матерчатый платок и вытерла лицо.

Как раз из-за этого платка многие и считают меня душой. Человечество так далеко шагнуло вперёд... уже изобрели бумажные, одноразовые, которые, при этом не рвутся, а я всё равно хожу с матерчатым. Во-первых, уж он-то точно не разорвётся, если вы вдруг выдохнете из ноздри целую тонну соплей – случается же такое – а во-вторых, выбрасывать свои сопли в урну, на мой взгляд, более неприлично, нежели, высморкавшись, убрать изящный платок с монограммой обратно в сумочку.

Так вот, его несколько не смутило, что у меня старомодный матерчатый платок. Он как улыбался, так и продолжал глядеть на меня и улыбаться. А я улыбалась ему в ответ. И разглядывала его заодно. На вид ему было около тридцати, красивые сильные волосатые руки, чёрные волосы – вьющиеся и короткие. Одет он был в светло-голубые джинсы и белую рубашку... Короче, сколько я его ни разглядывала, видела я всё равно того, которого встретила в лесу. «Поцелуй меня, девочка». Конечно же, этот был совсем другой, и тот уже давно остыл, у него прошло трупное окоченение, он размяк, и скоро он начнёт потихоньку гнить, но очарование того перекинулось на всех мужчин, встреченных мною сегодня, а особенно – на этого. А он всё стоял и улыбался мне. «Поцелуй меня, девочка».

Утеревшись платком, я сложила его вчетверо, намеренно показав окружающим, что платок мой чист и нет там никаких соплей, а потом направилась к выходу.

«Конечно же, я подожду его, – решила я, – прогуляюсь туда-сюда, будто рассматривая витрины, и подожду, пока он выйдет». А может ведь так получиться, что он направится за мной...

Я отошла немного от кафе «Достлар» и уткнулась в мрачную синезелёную витрину, где на чёрном бархате люминесцентно светились всякие эти модерновые пирсинги для дискотеки. Потом я прошла дальше.

Никто вслед за мной не пошёл. Я вернулась к чудовишной пирсинговой витрине, собралась с духом и двинула к перекрёстку, мимо «Достлара». Проходя вдоль пыльного широкого окна, я повернулась. Мой турок ел дёнер. На губах его, как ни странно не перемазанных соусом, играла мечтательная улыбка. У меня закружилась голова. Мне вдруг почудилось, что обо мне думают. Все прежние мои комплексы и обиды словно смыло с прибрежного песка морской волною.

Пройдя до площади, что была усеяна маленькими быстро со столиками на улице, а другим своим краем впадала в пешеходную зону, я остановилась в раздумье. Идти на пешеходную зону не было смысла: если он будет искать меня, то в толпе навряд ли отыщет. И я решила устроиться за столиком одного из открытых кафе, откуда можно было видеть всю площадь. Я ещё не успела раскрыть меню, как надо мной навис официант.

– Хоп-ля! Что прикажете, мадам? – радостно отчеканил он.

Я сделала страшные глаза:

– Не мадам, а мадемуазель.

Через пять минут, принеся мне заказанное мороженное с кремом и вафлями, он изогнулся, как клоун в цирке, и вновь радостно отчеканил:

– Хоп-ля!

– Не хоп-ля, а вуа-ля, – поправила его я, смерив критическим взглядом его комичную, плоскую, как гладильная доска, фигуру и отметив про себя, что душой в этом городе можно назвать не только меня и что только дураки и уроды ко мне клеятся.

Съев порцию мороженого, которое без особого комфорта легло в желудок на прежде съеденный дёнер, я залила всё это горячим кофе и, не увидев на площади того, кого хотела, направилась обратно к перекрёстку, расплатившись с дураком официантом. (Когда он принял у меня десять евро плюс два, как чаевые, то вновь воскликнул радостно: «Хоп-ля!».)

Немного пораздумав, я решила вернуться к кафе «Достлар». Со стороны мои действия вовсе не выглядели идиотскими. Могла же я прогуляться до площади, посидеть в кафе, а потом направиться по Баумвальштрассе к себе домой! Многие так делают: доходят до площади, видят на том конце толпу, усаживаются за столиком кафе, а потом, вновь видя толпу, разворачиваются назад, откуда пришли.

...В кафе «Достлар» его уже не было. Ни его, ни его друзей. День сразу померк для меня.

«Успокойся, Корнелия, – проговорила я себе под нос, – город маленький, где-нибудь ты его обязательно встретишь. Потом, эти турки... они редко покидают свой район – Баумвальштрассе, переулки, что ведут вверх и клочок набережной».

Итак, я дошла до разрушенных городских ворот, где стеклянной кубышкой разместился филиал банка «24», и вместо того, чтобы подняться вверх по Дубургер, свернула направо, чтобы выйти к заливу. Потом я прошла вдоль по набережной, поднялась к площади, сделав тем самым круг, и вновь двинула по турецкой улице мимо кафе «Достлар», продолжая вдыхать всё тот же запах – запах, от которого можно было сойти с ума.

Я порылась в своём наплечном мешке. Хэнди я как всегда забыла на постели в спальне, в сумочке, более, чем мешок, походившей на женскую, но менее удобной в эксплуатации; так что я купила в киоске карточку

«ТД-2», решив позвонить Герберту и спросить, не нужно ли, чтобы я погуляла с Карениным. Я здраво рассудила, что гулять туда-сюда по городу с собакой будет с моей стороны более естественно: я не хотела походить на глупую идиотку, которая бродит по городу, не находя себе места.

Я направилась к телефонной будке, что прямо напротив банка, и тут же земля провалилась у меня под ногами. Стёкла в будке запотели, и ОН, со всей своей компанией – двумя и неправильно перевязанным – толкался там, в этом маленьком тесном пространстве. Они куда-то звонили. Потом мужская широкая ладонь протёрла запотевшее стекло и из-за стекла этого на меня взглянуло восточное загорелое лицо со всё той же улыбкой. Он смотрел на меня, а я стояла, как дура, не зная, куда деть руки. В прежние времена мне было всё это по фигу: мужчины не смущали меня – я же сказала, что махнула на себя рукой... но теперь...

Я стояла и смотрела, как они дурачились в телефонной будке, а с неба меня поливал морозящий дождик. Совсем они и не звонили никуда. Так, стояли, забившись в будку все четверо, и дышали на стёкла и друг на друга. Я вытащила из мешка телефонную карточку, чтобы показать, что я тут вроде бы по делу, а не совсем для того, чтобы преследовать его; и телефонная карточка эта дрожала теперь у меня в руке, словно трепещущая бабочка – золотыми крыльями встроенного чипа.

Дальше я не могу точно описать, что со мной произошло, ибо как только я, встретившись с его взглядом из-за запотевшего стекла телефонной будки, упала в бездну, сознание моё помутилось, и я толком ничего не помню. Но если постараться, и проанализировать всё это безумие, то можно сказать, что вначале были глаза на смуглом лице. Потом зрачки расширились и заслонили собой небо. Я потеряла чувство равновесия и оказалась в невесомости. (Тут-то я и подумала, что падаю в бездну.) С этого момента не было ни его глаз, ни телефонной будки, ни города, ни меня самой. Откуда-то прилетел голос Герберта: «Ты сегодня такая румяная, Конни! Как колобок, поджаренный на масле!» Я обиделась и хотела уже огрызнуться из бездны, но некая странная лень сковала моё тело. «Как Колобок, понимаешь? – продолжал голос. – Даже не как девочка. Круглый прыщавый колобок». «Молчи, молчи», – услышала я шёпот. Кто-то не хотел, чтобы я отвечала. Кто-то там, наверху, знал, что ответ будет неправильный. Раньше я плевала на замечания типа «прыщавый колобок». Теперь же – я поняла это утром – такие замечания будут больно ранить меня. И ранить они будут меня до тех пор, пока мой ответ не станет очевиден... «Посмотрите, с каким парнем я иду рядом», – вот таким должен быть ответ. «Вам мечталось хотя бы во сне пройтись с таким парнем по променаду или зайти в кафе?» – вот это ответ! А пока... вся моя боль и обида выльются в глупое бессильное твяканье и только.

Вот так я проанализировала свой транс, получив в награду озарение: *Скоро придёт время, когда ты сможешь сказать: «Посмотрите, с каким парнем я иду рядом». А пока просто молчи.* И я молчала и ничего не выкрикнула в пустоту, из которой прозвучало обидное замечание Герберта; а пустота тем временем начала заполняться. Я молчала и только стояла в заполняющейся пустоте. Пустота заполнялась любовью, страстью, желанием, и всё это было в его чёрных глазах.

А когда я вынырнула из его чёрных зрачков, то уже не было больше ни светлых мыслей, ни обиды. А он подошёл ко мне и говорит что-то

типа: «Тебе звонить?»

– Да, – говорю я, трепеща телефонной карточкой.

А он в ответ типа того: «Они так долго будут дурачиться».

А я смотрю на его губы, и тихо: «Я хочу тебя. Прямо сейчас! Я хочу тебя!»

(О, ужас!)

Но из горла вылетает:

– Кайн проблем! Никаких проблем!

И он тогда идёт и выгоняет ребят из будки. И смотрит на меня. Будто мы вступили в заговор – так смотрит. А мои глаза словно «заклинило». Всё, что они выражают, это: «Я хочу тебя, прямо здесь хочу». И самое удивительное, что мне не страшно и не стыдно. Я уже сейчас могу подойти, обнять его и облизать ему все места.

...На карточке у меня десять евро. А на том конце провода – голос Герберта в телефоне-ответчике. «Так и так, – говорит Герберт, – в нашей распрекрасной звукозаписывающей фирме сегодня выходной, но если хотите и вам не лень, можете говорить после гудка».

И я говорю. В пустоту, усеянную гудками «занято». «Я люблю тебя. Я хочу. Прямо сейчас хочу тебя. Я сделаю всё, что ты скажешь, и никогда не пожалею об этом! Я обещаю, что никогда не пожалею, что бы ни случилось».

Поворачиваю голову, и вдруг – бабах! – словно выстрел, его взгляд за стеклом. Они смеются, и он тоже смеётся, а его внимательные серьёзные глаза меня расстреливают.

Сил хватило только дойти до квартиры. Я упала на постель и уснула. Он снился мне до трёх ночи. В три я проснулась в холодном поту, не сразу осознала, где нахожусь, а когда поняла (увидела три окна моей спальни-гостиной, черневшие в ещё большей черноте), то почему-то заплакала, сжалась в страхе под одеялом... хотелось звать на помощь. Но того, кто мог помочь, я не могла позвать: как?... какое имя?..

«Помоги мне, – шептала я, – я без тебя не могу... мне страшно... в первый раз в жизни страшно...»

И тут произошло чудо. Провидение Господне: ОН пришёл! Пришёл, лёг ко мне в постель, обнял меня, и я уснула. И мне больше не было страшно.

Я проснулась наутро, разумеется, одна, но он был!!! Его не было, но он был. Я вновь чувствовала этот запах. ЕГО запах. Запах, который не сравнится ни с одним запахом в мире, ни с одним мужским одеколоном, ни с каким запахом роз или жасмина... «Это вонь немых бычьих концов» – говорили у нас в «Святой Маргарете», и я была с ними согласна. Конечно, я и теперь понимала, что запах этот – запах не смытого с взопревшего тела мускуса; вонь иными словами, но садомазохизм – это не когда боль приятна; это когда вместо боли чувствуешь удовольствие!

Теперь я знала, что такое быть околдованной: это значит попасть в тонкие заманчивые сети, которые спутывают тебя, но которые боишься порвать. Сети эти отделяют тебя от всего остального мира, где ходят другие люди, где можно протянуть руку и съесть кусок хлеба, но ты не протягиваешь руки: ни навстречу другой руке, ни за куском. ПОТОМУ ЧТО ТЫ БОИШЬСЯ ШЕЛОХНУТЬСЯ. Боишься порвать тонкую сеть. Более того: всё остальное, что прежде называлось Жизнью, всё, что находится за пределами сети, становится тебе безразлично.

Воскресенье

Я пролежала в таком состоянии до пяти вечера. Позвонил Герберт и спросил, не пойду ли я с Карениным. Я сказала «хорошо», машинально оделась и пошла.

...Только у пристани я поняла, что гуляю без собаки. Что просто забыла зайти в бюро и взять Каренина с собой.

И тут же, на пристани, на деревянных ступенях, где какая-то страшная машина многозначительно и весьма двусмысленно заколачивала в землю огромные длинные тёмные сваи, меня окликнули.

Это был он.

Я, наверное, упала бы в обморок... Если бы уже с самого моего выхода из дома не была в обморочном состоянии. Я, наверное, сошла бы с ума... Если бы не сошла с ума ещё до того, как он меня окликнул.

Он произнёс со страшным восточным акцентом что-то неразборчивое, типа «шпацирен»*, (*Гулять.*) и я ответила:

– Да!

– Тогда, – говорит он, – стой, где стоишь.

Говорит и уходит.

Я застываю на месте, словно околдованная, и только глаза мои безучастно продолжают наблюдать за ритмичным заколачиванием свай.

Он появился со стороны Пуританской штрассе, когда вколотили уже шестое бревно.

– Пошли? – спрашивает он.

– Пошли, – к своему удивлению, совершенно безучастно отвечаю я.

Мы миновали ресторан «Бельвию» и ещё пару кафе.

Рядом с забегаловкой, где в прошлом месяце проходил праздник Брехта, я увидела тёмно-синий BMW-кабриолет. И вот, он подходит к этому BMW, открывает дверцу, садится и распахивает соседнюю – так, что меня словно засасывает в этот BMW, прежде чем я успеваю что-то сообразить. Вот тут-то я по-настоящему и ощутила запах, который прежде, оказывается, долетал до меня лишь лёгким бризом!

...Он полез ко мне прежде, чем припарковал машину на небольшой пустой стоянке на шоссе номер два, в стороне от дороги, в леске, сквозь который просвечивала голубая морская гладь. Это была следующая стоянка после той, на которой я оставляла свою Корсу, приехав на море выгуливать Каренина. Вместо циничного щита «Мы не отвечаем за сохранность ваших вещей» здесь висел иной плакат:

ПЯТЬДЕСЯТ МЕТРОВ ВНИЗ К МОРЮ,
СТО МЕТРОВ ВЛЕВО ВДОЛЬ МОРСКОГО БЕРЕГА,
И ВЫ У НАС!
РЕСТОРАН «ПОД ПАЛЬМАМИ»

Когда мы въехали на эту стоянку «под пальмами», я восхитилась: «Неужели в ресторан?» Такого проявления романтики я от него не ожидала! А потом, когда он протянул ко мне руки и обхватил широкой ладонью мой затылок, я подумала: «Что он сможет сделать в машине? Ведь в машине можно только лишь целоваться... Всё остальное будет потом. В другой раз. Когда? – Не знаю, но только ПОТОМ». «Но ты же хотела его?... Когда ты говорила „Я хочу тебя“, ты ведь это самое и имела в виду?..» «Да, но только не сейчас». «Если не сейчас, то никогда».

Мне всегда были непонятны те, кто ждёт, просит, а потом вдруг отказывается. Сейчас или никогда. И я выбрала: сейчас. СЕЙЧАС!!! Только я ничего не умею... Только я ничего не стану делать.

Крыша его шикарного автомобиля была закрыта, так что мы находились вдвоём в этом маленьком, душном мирке: он, который «всегда готов» и я, которая решила по-настоящему только сейчас. Как ему сказать, что я ещё девственница?!! Что он после этого признания со мной сделает?..

Он облизал мне все губы, всё лицо... казалось, своим языком он раскрывает мне рот, чтобы... Потом он полез расстёгивать ширинку, и я поняла, зачем он, облизывая, «расширял» мой рот: из ширинки его вывалилось такое! Я и не знала, что такое бывает. С голыми мужчинами до сих пор я имела дело только в морге, а там у них это – маленькое, сморщенное и задубевшее. Совсем не живое и никаких чувств не вызывающее.

Судорожно я принялась вспоминать, передаётся ли СПИД при оральном контакте, а его член сам проник тем временем сквозь мои губы, и я лишь боялась поранить его или подавиться. То и дело он вынимал свой член из моего рта и вновь принимался обсасывать мои губы, зубы, язык, словно хотел таким образом соприкоснуться своим языком со своей собственной плотью. Язык его был пресный на вкус и волевой. И языком и руками он вращал меня, как хотел. Он собирал во рту слюну со сдавленным «кха», затем тонкой струйкой выпускал её изо рта на свой огромный член, на самую его головку, похожую на блестящий, словно отполированный малиновый шлем, а затем всаживал этот скользкий шлем мне в рот, и крутил при этом мою голову, вовсе, наверное, при этом не думая, что эта голова принадлежит живому человеку. Для того, чтобы возбудиться, ему не понадобилось ни мять мои груди, ни задирать юбку. То и дело он резко вырывал свой член из моего рта, ладонью, наотмашь ударял по его головке... глаза его при этом закатывались так, что были видны только воспалённые белки ...поцелуй меня, девочка... потом он вновь кидался к моему рту, обсасывал мои губы, раздвигая челюсть языком, вновь набрасывался на свой член, лупил его что есть силы, будто подстёгивал дикого жеребца, пускал на него струйку слюны – и вновь мои губы раздвигались сами собою и во рту я ощущала скользкую пресную влагу и этот огромный, заполняющий собой всё до самого нёба кусок горячего, пульсирующего мяса.

Через мгновение он кончил мне в рот, и пока я думала, что делать со всем этим, вообразив, что сейчас захлебнусь и он выбросит моё тело в море, он схватил мою голову и принялся обсасывать с моих губ и высасывать изо рта свою собственную сперму. Почти задушенная, я думала, что на этом всё закончится, но это повторялось три раза: три раза он кончал мне в рот и вылизывал его до последней капельки моей слюны и его спермы.

Машина раскачивалась из стороны в сторону, и я вспомнила вдруг комедийные фильмы на эту тему. Тогда мне казалось, что раскачивающаяся машина – нечто вроде «гэка», для смеха. Теперь же мне было не до веселья. Это раскачивание и погружение его члена, а затем языка, ко мне в рот, заколдовали меня. Со мной приключился транс, которого я не испытывала никогда в жизни. В транс этом было уже всё

безразлично: девственница я или нет; заболею ли я СПИДом, разорвёт он мне рот или влагалище...

Когда он обсосал свою сперму в третий раз, спинка сиденья поплыла подо мной. Теперь он висел под чёрно-белой крышей, сдирая с меня мою жёсткую джинсовую юбку. Потом он принялся обсасывать мой клитор, раздвигая мои половые губы языком и медленно расширяя и расслабляя тем самым моё влагалище. Лицо его потемнело, став малиновым. Глаза сверкали. Он лизал мой клитор, а затем бросался к моему лицу, к губам... Клитор – к губам... Клитор – к губам – монотонно, словно маятник; пока я не почувствовала у себя во рту вкус своей собственной вагины. И в один из таких моментов, когда я в прострации и в экстазе обсасывала язык, только что побывавший во мне, его член неожиданно легко вошел туда, куда бессонными ночами я вставляла палец в надежде получить успокоение.

Это было волшебство, и это была агония. Что угодно, но только не секс в моём прежнем представлении, как нечто трудное и обязывающее. В этой агонии не было ничего трудного и ничего обязывающего. Он ебал меня. Неглубоко, но резко и ритмично.

ЕБАЛ. ЕБАЛ. Я пробую на вкус это слово, как только что пробовала его язык, губы, член... ЕБАЛ... Его штаны, чёрные штаны (в этот день это были не джинсы), сползли; а сиденье, на котором я лежала, поехало назад. Он вдруг резко схватил меня, и мы перевернулись, поменявшись местами. Я всегда думала, что если дело до этого дойдёт, то такую толстую корову, как я, не перевернёт ни один мужчина. Что без подъёмного крана в этом деле... А тут – так легко, так просто!

Теперь он был внизу, а я – наверху, и он кончил, нет – выстрелил спермой, вновь мне в лицо. А я облизала его член прежде, чем успела что-то сообразить. А он вновь выпустил струйку слюны из своего рта, попав на головку, несколько раз жестоко (я сама почти ощутила боль) ударил по своему члену, затем, когда тот надулся и поднялся во весь рост, невероятным образом изогнул его и – о боже! – принялся вставлять его в свой собственный анус! Анус его был почти чёрный, покрытый пигментом и волосами.

Потом он залепетал что-то по-турецки, варварски соединяя согласные, так, что они вылетали из его мокрых губ почти физически ощутимые.

Его прекрасная варварская речь ещё продолжала клокотать, когда он всадил в себя. Он схватил мою ладонь и прижал её так, чтобы член его не выскользнул из его собственного заднего прохода, а сам принялся мять мои груди, сжимая затвердевшие соски так, что в голове моей помутилось. Вот тут-то я и в самом деле наконец-то потеряла сознание и очнулась от обморока, ощущая, как он мнёт меня, облизывает мои груди, руки, живот, руки, ноги; и его хрипящее звериное дыхание подействовало на меня, как тампон, смоченный нашатырным спиртом.

Когда он вновь засунул свой язык ко мне в рот, я почувствовала вкус своего собственного тела. В том, что он делал, крылось и в самом деле нечто животное: с помощью моего языка он касался своих органов; с помощью его языка я облизывала то, что никогда не смогла бы облизать или даже почувствовать. На своём языке он переносил ко мне в рот моё тело, мои запахи. Это было ужасно, прекрасно, дико, непривычно и... преступно.

Понедельник

Я переходила улицу. Горел красный свет. (Зелёный фонарь, естественно, чернел в этот момент, как зрачок Карима). И вот я пляшусь в эту черноту, стоя на бордюре, и говорю себе: «Что это со светофором? Где же зелёный человечек? Наверное, сломался он». И шагаю на проезжую часть, не осознавая даже, что горит красный.

Там, в машине, выплёвывая согласные, он сказал мне, что зовут его Карим. Я вначале чуть не закричала: мне показалось, он сказал «Каренин».

Мы сидели в машине, когда на стоянку вырулили две тётки с собаками на поводках. Карим сказал: «Пойду поссать». Конечно, это было немного грубо с его стороны... после того, что между нами произошло.

«Хотя происходило всё тоже достаточно грубо?» – то ли спросила, то ли попеняла я самой себе.

Может быть, это было и грубо – напрашивался ответ, – но это был секс. А теперь начинается обычная жизнь. И от того, как я себя в этой обычной жизни теперь поведу, в частности, от того, как я буду себя держать с Каримом, будут зависеть наши отношения и наше будущее. Разумеется, нельзя позволять ему говорить такие вещи, как «пойду поессу». Но прямо я этого не скажу. Просто буду вести себя, как настоящая леди. И, видя, что я – настоящая леди, он перестанет неприлично выражаться.

Так я думала, сидя в машине в ожидании Карима. Моего Карима. Тётки тем временем, спустившись со своими моськами по дорожке вниз, к морю, скрылись из виду. Проходя мимо BMW, в котором сидела я, размышляющая о нашем с Каримом будущем, они посмотрели на меня... я бы сказала, с некоторой завистью. Это было написано на их лицах: и автомашина, в которой я сидела, поправляя смятую причёску (теперь крыша кабриолета была откинута), и мой счастливый вид говорили сами за себя.

Когда тётки исчезли, из кустов вышел Карим. (Жаль, что они исчезли раньше, чем он вышел. Хотела бы я посмотреть на выражение их завистливых лиц.) Застёгивая на ходу ширинку, он подошёл к машине и сделал удивлённое лицо. Причёска моя была уже в относительном порядке, я улыбнулась ему, а он проговорил:

– Ты ещё здесь?

Лениво так проговорил. Как мне вдруг показалось, с плохо скрываемой досадой.

– Прости, я не поняла, – призналась я, хотя на самом деле всё уже начала понимать.

– Ты ещё здесь, сучка? – был ответ. – Тебе что, мало показа...

– Тише, тише, только не надо продолжать, – взмолилась я, прервав его. – Не надо, не надо никаких грубых слов, потому что я уже всё поняла, и я сейчас встаю и ухожу.

Мысли мои совершенно рассыпались во все стороны, я ничего не могла понять... Вернее, всё поняла, но ещё не была готова к такому повороту событий.

Кое-как я вылезла из его шикарного BMW, а он вскочил на сиденье, щёлкнул ключом зажигания, резина покрышек взвизгнула, и мой

любимый исчез в клубах пыли.

«Тише, тише, тише, – зашептала я, теперь уже сама себе, – тебя просто бросили... трахнули и бросили. Сколько таких девочек попадает в Святую Маргарету с порезанными венами и желудками, полными Томизина... Ты же не собираешься пополнять их ряды? Ты же не взбесившаяся сучка, которую оставил любовник?.. Ты чего, вообще-то, ожидала? – Что он возьмёт тебя на руки и понесёт на руках к маме с папой на знакомство?!!»

Таким вот образом успокаивая себя, я принялась спускаться вниз по дороге, где прежде исчезли две дамы с собаками на поводках. В самой середине лесочка дорога эта переkreщивалась с ещё одной, идущей по гребню лесистого холма. Рекламная вывеска с указателем и здесь умоляла не упустить свой шанс и посетить ресторан «Под Пальмами». *«Если вам трудно спускаться к морю, вы можете пройти к нам вот этой лесной дорогой»* – гласил указатель, и стрелка указывала налево. Я посмотрела налево, потом повернула голову направо, и, хоть слёзы всё ещё застилали мне глаза, я увидела и вспомнила эту дорогу. Я не знаю, будет ли ресторан «под Пальмами», там, налево, но я прекрасно знала теперь, что будет, если пойти направо. Если пойти направо, да ещё удачно свернуть по тропинке, чавкающей грязью, вглубь леса, можно очутиться нос к носу с трупом.

Почему-то я расхохоталась. (Я всегда хохочу, как ненормальная, когда сильно нервничаю или стою перед неразрешимой проблемой.) Вот так, продолжая стоять на лесном перекрёстке и хохотать при этом, я попыталась привести в порядок свои мысли и начать рассуждать здраво. Ясное дело – я была просто выведена из себя. Подумать только: я стояла посреди дороги, брошенная, и оскорблённая и продолжала любить его! Ещё бы! Не любить и не хотеть того, кто за полчаса открыл тебе всё то, о чём ты мечтала всю свою сознательную жизнь, да ещё то, о чём ты даже и мечтать не могла! Как можно не хотеть того, кто довёл тебя до такого состояния, что все те «оргазмы», которые ты придумывала себе по ночам, помогая при этом пальцами и небольшим серебристым дильдо, все эти «оргазмы» померкли и казались теперь лёгким зевком по сравнению с тем взрывом, который я испытала и ним, с Каримом, в его шикарнейшей...

Нет, нет! Это не та мысль, которая может привести в себя, и вообще, не то направление мысли. Хохотать, правда, я перестала, но неразрешимая проблема осталась. И проблема эта была не в том, что я брошена посреди леса. Проблема была... в самом этом месте, куда он завёз меня.

Итак, стоянка; налево – ресторан «Под Пальмами», а направо – поляна с трупом. Что-то было в этом неприятное. И более того... я не могла подобрать правильного слова: в этом было что-то намеренное. Зачем я здесь, на этой развилке?.. И случайно ли я здесь оказалась?..

Я застыла на месте. Пытаясь не потерять здравомыслия, я позволила своим ногам идти куда им вздумается; короче, совсем выпустила свою вегетатику из-под контроля, и через минуту стояла на поляне, перед тем самым поваленным деревом.

Он лежал всё так же, почти что в той же позе, в которой я его оставила, и в той же позе, в какой я видела его в своём ночном кошмаре. Как это ни покажется странным, на меня не произвёл ровным счётом никакого впечатления тот факт, что труп – в наше-то развитое время, да ещё в летний сезон! – всё ещё не был обнаружен и валялся под деревом,

словно мешок с картошкой.

– Кстати, – проговорила я, присев перед трупом на колени, – ты мне преподал хороший урок: все вы, турки, такие... вы ничего не смыслите в настоящей любви. Вы уверены, что настоящую любовь придумали те, у кого нет денег. С вами только так и можно: *поцелуй, я заплачу*. Обидно только, что ничем я не смогу заплатить моему Кариму. Если только Герберт перестанет брать с меня за жильё, и я к тому же откажусь от страховки...»

Почему-то от этих слов, высказанных покойнику, мне вдруг стало легче.

– Ты знаешь, – проговорила я, стараясь не смотреть на синие подтёки на его щеках и шее и на белых коротких червяках, вылезающих из-под манжета рубашки, – я ещё приду к тебе... Я обязательно расскажу, чем закончится вся эта история. Купить я вашего брата не смогу, привлечь красотой, как бы, тоже; но этого дела я так не оставлю, клянусь!

Встав на ноги и почему-то перекрестившись, я подняла руку в жесте военной присяги времён Второй Мировой войны и торжественно выпалила:

– Обещаю, Карим будет моим!

Потом я прошла немного вверх по тропинке, заросшей крапивой и диким мелким шиповником, и, сорвав несколько маленьких розочек, вернулась к покойнику, вложив маленький букетик в сомкнутую ладонь его безвольно свесившейся синей руки с чёрными от грязи ногтями.

Отойдя в сторону, я оглядела поляну. Конечно, самым лучшим было бы его закопать, но тогда я не смогу с ним разговаривать. Я с детства ненавидела кладбище. А когда в клинике увидела заспиртованных младенцев, то поинтересовалась у Буркхарта – того самого патологоанатома, что неровно дышал ко мне, почему люди не дошли ещё до того, чтобы заспиртовывать своих умерших?.. Это же так здорово – всегда иметь возможность видеть ушедшего от тебя любимого человека, даже если он плавает в биологическом растворе! Буркхарт посмотрел на меня тогда внимательно и произнёс вкрадчивым голосом: «Милая Конни, мне очень приятно быть с тобой рядом, и я не хочу, чтобы ты потеряла работу в Маргарете и устроилась куда-нибудь в другое место. Так что договоримся: если вдруг в голове твоей возникнут бредовые вопросы или сумасшедшие просьбы, обращаться ты будешь только ко мне, и больше ни к кому. Обещаешь?» Я обещала. Но больше с ним ни о чём не говорила, а когда он пожимал мне руки, молчала и глупо улыбалась. Больше я вообще ни с кем на эти темы не говорила. И вот теперь возник вопрос, ответа на него я не знала, а посоветоваться было не с кем: что же мне делать с ним, с этим молодым человеком, что совсем недавно разговаривал со мной и стал близок мне, как сообщник, которому можно доверить любые мои тайны?

Во всяком случае, оглядев поляну, я пришла к выводу, что букетик в его руке не совсем подходит моменту и смотрится очень даже подозрительно. ПОДОЗРИТЕЛЬНО! Я тут же забыла о букетике, переключившись на другую мысль: вот оно, главное, что я совсем упустила из виду! Долго он пролежит тут, никем не замеченный?.. Это понятно, что ни один приличный человек не пойдёт в такую грязь и глушь... если только, как я, не погонится за своей собакой. А за собакой он может погнаться, если спустит её с поводка – я же отпустила Каренина – а таких, как я, нарушающих правила муниципалитета, много. Не все

милы и законопослушны, как те две дамочки с моськами. Так что много посетителей может оказаться у моего друга. И чтобы этого не произошло, первое, что нужно мне сделать, – это отвадить от этого места собак.

«Каким образом?!» – спросил покойник.

– Очень просто, – объяснила я, – сейчас я сяду тут, рядом с тобой, и пописаю. А если смогу, то ещё и покакаю. На собачьем языке это называется *пометить место*. Иными словами, это место теперь будет только моё... и Каренина.

Выполнив то, что обещала, я проговорила:

– Ну что ж, теперь мне пора. Я даже не знаю, как теперь к тебе обращаться... дорогой мой – это глупо...

Вновь встав на колени, я протянула руки к трупу, к его голубым, измазанным запёкшейся кровью и грязью джинсам. Немного повернув тело, я принялась обследовать карманы. В правом заднем кармане я нащупала связку ключей на дешёвом брелоке и – о, радость! – ламинированную табличку водительского удостоверения. «Гафур Ибрахимини» – прочитала я. Над именем и фамилией красовалось фото. Симпатичный турок. Намного симпатичнее, чем мой Карим. И намного более симпатичный, чем он был, когда лежал здесь, под деревом, истекая кровью.

Ключи я засунула обратно в карман его джинсов, а ламинированную табличку с фото прихватила с собой.

«Я буду о тебе думать, Гафур Ибрахимини, – пообещала я, – и если это тебя хоть немного успокоит, я буду по ночам целовать твою фотографию».

Несмотря на это обещание, весь следующий день до шести вечера я думала о Кариме. И когда переходила дорогу, чуть не попала под машину, потому что чёрный, потухший зелёный глаз светофора вновь показался мне зрачком Карима, и, словно зрачок Карима, он просто втянул, засосал всё моё существо, буквально толкнув на проезжую часть.

Переходила я дорогу, направляясь в «Святую Маргарету», на дежурство. Я не поехала туда на машине, а пошла пешком с единственной целью – вновь пройти по Баумваль ШТрассе, мимо кафе «Достлар». Проходя мимо запылённой витрины и понимая, что шансы мои равны нулю, я всё же повернула голову. Он стоял там, в освещённом помещении, полном народу! Лицо его было озабоченно. Он курил, перебрасываясь словами с пожилым турком, стоявшим в белом фартуке за белым прилавком. Было понятно, отчего он был так озабочен. Эта история на стоянке, очевидно, тоже не выходила у него из головы. Не так-то просто обидеть невинную девушку! Муки совести обязательно дадут о себе знать.

– Карим! – Я влетела в помещение, бросившись прямо к нему, готовая в этот момент забыть обиду, причинённую мне, и помнить всё только хорошее; бросилась, не стесняясь присутствия в помещении посторонних.

Он грубо оттолкнул меня.

Я растерялась:

– Карим! Мне нужно с тобой поговорить! Произошла ошибка! Ты принял меня не за ту... (Я растерялась ещё больше, не зная, куда деваться от стыда.) – Ты думал, что я шлюха, а я не шлюха! Я же...

Я хотела сказать, что люблю его, но слова застряли у меня в горле. «Люблю тебя» – так, наверное, сказала бы именно шлюха, желающая вновь добиться мужчины, с которым она провела всего одну-единственную ночь. Нет! Наше чувство ещё не созрело! Он должен ещё понять – понять, кто я для него...

– Карим!

Все повернули головы в нашу сторону.

Он не дал мне договорить. Крепкая брань на турецком языке так и посыпалась на меня. Наверное, он крыл меня отборным матом, потому что пожилой турок, стоявший за прилавком, побелел даже, как его фартук; Карим же, для лучшего усвоения мною всего только что высказанного на своём прекрасном, варварском языке, проговорил на этот раз по-немецки со своим чудовищным акцентом:

– Отстань от меня, в конце-то концов! Ходи с другим парнем. Между нами ничего не может быть.

Пожилой заприлавочный турок перестал белеть и закивал в согласии: дескать, «а-а-тстань от нэго, дэвушка, чувствам нэ прикажешь».

И тут я начала визжать. Я визжала в исступлении нечто нечленораздельное, сводившееся по мысли к одному: по фигу мне какие-то другие парни, я плевала на всех парней мира, и только с ним, с Каримом, я хочу быть рядом до гробовой доски.

И тогда он вмазал мне оплеуху.

Выветив из кафе пулей, я, чуть не плача, вновь не заметила красного сигнала светофора на перекрёстке, бросилась к площади и затерялась в толпе на пешеходной зоне. Через десять минут я была уже возле подъезда клиники. Но прежде чем я появилась в главном холле, я вытащила из заплечной сумки водительское удостоверение Гафура и, приблизив фотографию к лицу, торопливо проговорила, окружённая предвечерним мраком:

«Скажи мне, Гафур Ибрахимини, если бы я тебя поцеловала, ты бы тоже после сказал мне такие обидные слова: Отстань-от-меня-в-конце-то-концов-То-что-было-было-Теперь-всё-позади?»

Я спрятала удостоверение с фотографией так мне ничего и не ответившего молодого человека в сумку и вошла в стеклянный колпак главного подъезда «Святой Маргареты», напоминающий зелёный аквариум, полный зацветшей, застоялой воды.

В клинике же произошло нечто интересное. Роза Хинц, медсестра, которую я теперь сменяла, сказала как бы между прочим, что ночью в клинику поступил пациент «с без пяти минут гангреной левой руки», как она выразилась. Его привезли в горячечном состоянии и в полубреду, и когда его осматривал доктор, парень этот надсадно и упорно утверждал, что порезался, открывая консервную банку, хотя его никто уже ни о чём не спрашивал.

– Это так странно, – удивлялась Роза, – порезаться почти до кости, замотаться тряпками, не обратиться в клинику при наличии страховки и сидеть в ожидании, когда начнётся без пяти минут гангрена!

– Может быть, он не ждал никакой гангрены, – возразила я. – Часто так бывает: человек порежется и даже не подозревает, какие страшные последствия могут быть от маленькой ранки.

– Рана у него была огромная, – проговорила Роза тоном доктора-

профи. – Не знаю, как хэrr Шмидт, но я тут же сообразила, что никакой консервной банки он не открывал. Во всяком случае, в тот день.

Дальше она затараторила без остановки:

– Ты можешь себе представить?! В начале двадцать первого века! Порезаться консервной банкой! Когда столько всяких приспособлений...

– Он открывал банку ножом, – предположила я. (В этот момент у меня в душе что-то беспокойно шевельнулось.)

– Он схватился за лезвие ножа, – вот что я тебе скажу, – выпалила Роза. – И только этот докторюга Шмидт мог этого не заметить. Им вообще плевать на то, с чем приходят наши пациенты. Они надеются на полицию, а в полиции, милочка, сидят ещё большие говню...

– Прости, – извинилась я, стараясь говорить спокойно и ровно, – я переоденусь быстренько, потом договорим. Кстати, этот с гангреной ещё не помер?

– Двадцать шестая палата на втором уровне. Под капельницей.

– Ну и прекрасно.

Выйдя из ординаторской и не помня себя от нетерпения, я бросилась по коридорам на второй уровень. Второй уровень, хирургия – была не в нашей компетенции, но мне плевать. Мне нужно было увидеть этого парня.

И когда я увидела его, то тут же узнала. Это был тот, молоденький, что ввалился с остальными и с Каримом в кафе «Достлар». Пальцы у него в тот день свисали из-под бинтов, как переспелые сливы, и если бы не присутствие моего Карима, я бы, как профессиональная медсестра, предупредила бы этого парня, что с заражением крови шутки плохи; что с такими пальцами, как у него, он очень скоро может оказаться на разделочном столе в морге «Святой Маргареты» у моего приятеля Буркхарта Кребса.

...И тут Голос Свыше сказал мне:

«Слушай, Корнелия, а не кажется ли тебе это странным: в одном конце маленького городка молодому турку вспарывают живот, так, что он лежит теперь под поваленным деревом бездыханный, а в другом конце маленького городка ещё один молодой турок клятвенно убеждает, что не держал в руке ножа, а порезался консервной банкой?..»

Парень находился под капельницей. Состояние среднее. (Это я определила тут же.) Ещё я поняла, что до начала ночной смены с ним вряд ли удастся поговорить: здесь не отель «шесть звёздочек», и он, разумеется, лежал в палате не один. А поговорить было о чём. В этом я теперь не сомневалась.

Ночной смены я дождалась, ёрзая на ординаторском стуле и просматривая журнал „Freundin“*, (*Еженедельное издание «Подружка», рассчитанное на невзыскательные и невысокие вкусы женского населения в возрасте от восемнадцати до тридцати.*) купленный мною в лавке на пешеходной зоне. Из журнала „Freundin“, в который я не заглядывала со времён Всемирного Потопа, я поняла, что совершенно не умею одеваться – это раз; и – два: тот факт, что я не пользуюсь гримом – мой огромный минус. Многие женщины имеют недостатки на коже лица, но большинство из них умудряется это ловко скрывать, даже от самих себя. «Раз в неделю солярий, хорошая косметика, маски и свежий воздух, и очень скоро вы сами себя не узнаете», – писала некая фрау Энкель в статье с идиотским названием

„Большие уловки и мелкие хитрости современной женщины“. Хотелось бы верить.

Из сумки я вытащила взятый неделю назад в банке контоаусцуг* (Справка о состоянии счёта.) и внимательно изучила своё финансовое положение. Не ахти как, но если урезать расходы на сладкое и на бензин, то один раз в неделю солярий можно себе позволить. Костюм от Живанши будет, конечно, не по карману, но по маленьким фирменным магазинчикам стоит походить. Поговорить с продавцами, послушать их советы... Среди продавцов не всегда попадаются гады, готовые во что бы то ни стало всучить вам первую попавшуюся шмотку. Если продавец видит, что женщина интеллигентна и следит за модой, он понимает, что её не так-то просто облапошить. Главное, не создавать впечатления, что ты давно уже махнула на себя рукой; короче, что ты – полная гусыня. А я разве махнула на себя?! Кто теперь скажет, что я сама себе безразлична?.. С некоторых пор – никто!

Дождавшись полуночи, то есть, начала ночного дежурства, когда врачи отправляются по ресторанам со своими кралями, вооружившись хэнди на случай экстренного вызова, я достала из сумочки фотографию Гафура Ибрахимини, внимательно всмотрелась в его чёрные зрачки и пообещала: «Не волнуйся, дорогой, я всё сделаю тихо и аккуратно». Затем, спрятав ламинированную карточку в карман халата, я предприняла следующее: прихватив в операционной – холодной и пустой – носилки на колёсиках, я въехала с этими носилками в двадцать шестую палату – бесшумно, словно ночная фея из сказок братьев Grimm, подкатила носилки к койке, на которой спал в забытии мой теперешний пациент и, осторожно вытащив иголку капельницы из его вены, залепила дырку пластырем, особенно не заботясь о дезинфекции. Парень вздрогнул, бессильно мотнул головой и попытался открыть глаза.

– Т-ш-ш-ш – зашептала я, – всё в порядке.

Другие пациенты даже не проснулись. Полночные визиты медсестёр – обычное дело в клинике, тем более, в хирургическом отделении.

Прижав каталку всем телом к кровати, чтобы она не уехала, я потянула на себя вначале ноги парня, затем корпус, затем снова ноги – так, как нас учили на курсах, – и уже через несколько секунд мой пациент лежал на каталке.

С этой каталкой я двинула к двери.

В коридоре было тихо и полутемно. Дежурной медсестры не было видно. Она прикорнула, очевидно, в ординаторской.

– Куда вы меня везёте? – пролепетал парень, когда мы оказались в коридоре.

– Всё в порядке, – успокоила я его, – у тебя заражение крови. Нельзя так неосторожно обращаться с консервными банками и ножами... в век научно-технического прогресса, когда...

Иными словами, я принялась заговаривать ему зубы до тех пор, пока мы не подъехали к грузовому лифту, и пока тяжёлые стальные двери не раздвинулись, пропуская каталку в прохладное, так же обитое сталью чрево.

Когда двери за нами закрылись, в полной тишине я нажала кнопку „Z“.

Символом „Z“ отмечалось самое нижнее подвальное помещение,

предназначенное для хранения трупов.

Может быть, мой пациент знал о том, что такое кнопка „Z“, а может быть, забеспокоился чисто интуитивно, только он вновь замотал головой из стороны в сторону и пролепетал:

– Куда вы меня теперь везёте?

– В морг, – шёпотом пояснила я.

Тяжёлые двери тем временем раздвинулись, и мы поехали по узкому, с низким потолком, коридору в сторону зеленовато мерцающей в темноте таблички «посторонним вход воспрещён».

Осознав, что я не шучу и действительно везу его в морг, парень закричал. Точнее, для того, чтобы кричать, у него не было сил. Он судорожно закрутился на каталке и захрипел, как Каренин, когда тот рвётся из петли поводка, стягивающей ему горло.

– Можешь теперь кричать, сколько тебе вздумается, – подбодрила я его, на этот раз уверенным и громким голосом. – В этих коридорах не бывает сторожей. Покойников не сторожат. Они, как правило, не убегают. Они лежат себе в холодильных камерах и ждут кто чего... один – трепанации черепа, другой – резекции желудка... а третий...

Вставив электронную карточку в магнитный замок, я подождала, пока двери плавно разойдутся в стороны, затем пока включится неяркое синеватое освещение, и под судорожные хрипы своего пациента двинула каталку вдоль рядов с холодильными камерами, отыскивая краем глаза свободную, без карточки идентификации, обычно вставляемой в небольшую металлическую рамку.

Тут-то парень начал орать во всю силу своих лёгких. Он даже попытался вскочить на ноги и побежать, увидев, как я открываю небольшую дверцу и вытягиваю из холодильной камеры демонстрационную тележку.

– Всё произойдёт очень быстро, – проговорила я спокойным голосом, и при звуке моего голоса он замолк, как замороженный. – Ты просто промёрзнешь насквозь и превратишься в обычного покойника, умершего от заражения крови. Ты ведь этого хотел, когда ... порезался об консервную банку?

– Пожалуйста, пожалуйста, – заскулил он, – чего вам от меня надо?

– Ничего особенного. Просто в больнице каждая койка на счету, и у нас нет возможности ждать, пока умирающий от гангрены откинет копыта по своей воле, – пояснила я.

– Врачи говорили, что у меня всё в порядке, – залепетал покойник, – что воспаление идёт на спад...

– Врачи часто ошибаются, – ласково проговорила я. – И потом, у администрации клиники, очевидно, другой взгляд на это дело.

Прижав каталку к демонстрационной тележке, я принялась переключать пациента. Вначале ноги, затем корпус. Он упирался, как мог, но, извиваясь ужом, в сущности, помогал мне и очень скоро освободил каталку, которую для большей наглядности я оттолкнула ногой в сторону. Каталка проехала метра два и с грохотом ударилась о противоположный ряд холодильных камер.

Этот грохот словно пробудил парня. С визгливым криком он поднялся и сел, дико озираясь вокруг.

– Вы позволите? – вновь ласковым голосом спросила я, а затем упёрлась ему кулаком правой руки в грудь, уложив на тележку.левой рукой в тот же момент я задвинула её в холодильную камеру. Полозья

чуть слышно скрипнули, и визгливый крик парня оборвался, поглощённый тесным пространством металлического бокса.

Теперь мне необходимо было успокоиться после стресса. Ещё бы! Слабой женщине не так-то просто справиться с мужчиной, даже если тот относительно молод и только-только поправляется после «без пяти минут гангрены», по выражению Розы Хинц. Так же нужно было сосредоточиться. Сосредоточиться для того, чтобы правильно начать с ним говорить. Не надо думать, что от пребывания в холодильной камере для трупов можно превратиться в кубик льда. Мы не морозим трупы, как мясники – свинину, иначе при обследовании в них просто не воткнёшь скальпель. *Там прохладно*, да будет вам известно. Ну, предположим, как тёплым зимним днём у нас во Фленсбурге, не более. Так что замёрзнуть он не замёрзнет. Сейчас он утих, потому что потерял сознание от шока. Точнее, говоря медицинским языком, впал в ступор. Это продлится минуты две. Затем, придя в сознание и поняв, что он находится в холодильной камере морга, и что всё происшедшее с ним не было ночным кошмаром, он начнёт колотиться и кричать. И чем больше он будет кричать и колотиться, тем меньше ему останется воздуха для жизнедеятельности. Так что всё, что с ним может произойти – он просто-напросто задохнётся. Но я, конечно, до этого не доведу. Я успокоюсь, дам также и ему возможность прийти в себя, а потом мы поговорим. И он выложит мне, не на поляне ли под поваленным деревом он размахивал ножичком, и не Гафур ли Ибрахимини поранил ему ладонь.

Размышляя вот таким образом, я откатила в сторону носилки-каталку, припарковав её у бледно-кафельной, в свете дежурного освещения, стены; поправила халат... И тут случилось нечто мною непредвиденное. Там, за рядом холодильных камер, раздвинулись, зашуршали двери и в помещение морга вошли. Если видеокамеры внутреннего наблюдения, про которые я почему-то забыла, меня засекли, и вошла охрана – мне конец. Если это медсестра с покойником – можно как-то отболтаться.

Но это была не охрана и не медсестра. По звуку поставленного на кафельный пол пластикового ведра я поняла, что пришла уборщица. Что поделать! Морги тоже нужно содержать в чистоте, иначе по всей больнице распространится такая зараза, какая вам и во сне не снилась.

Уборщица, молодая русская девчонка по имени Светлана, с которой я не была дружна, но которую относительно хорошо знала, не глядя по сторонам, с белым от дежурного освещения и от суеверного ужаса лицом, прошла мимо моего ряда, за вторые стеллажи, разумно решив начать влажную уборку с самого дальнего конца помещения. Я, в свою очередь, поздравила себя с тем, что разумно завернула со своей каталкой в первый проход, а не пошла дальше. Можно себе вообразить, какой крик поднимется тут, если суеверная православная на меня наткнётся. Но даже в страшном сне не приснится что может начаться, если мой пациент очнётся от своего ступора и примется колотиться в стены холодильки. Если это произойдёт, на ноги поднимется вся клиника: эта русская как пить дать бросится вон из морга, и я просто физически не смогу её удержать. Итак, всё теперь зависело от меня: и жизнь моего подопытного, и Ч.П. в «Святой Маргарете».

Покосившись на носилки, что стояли у стены, я, мягко ступая, пробралась ко входу в помещение и, скользнув магнитной карточкой по прорези замка, привела в движение двери. Тут же позади меня, в

помещении морга, как я и ожидала, раздался вскрик Светланы.

– Всё в порядке, – с вопросительной интонацией проговорила я, стараясь придать своему голосу как можно более спокойный оттенок. – Это Корнелия.

Миновав два ряда холодильков, я направилась в дальнюю часть помещения, сделав вид, что только что вошла, не переставая при этом говорить, и соображая на ходу: имя девушки я назвать опасалась – ведь я её ещё, как бы, не видела... причины, почему я сюда вдруг заявила, я пока тоже не находила... Каталка?.. Очень глупо прийти за каталкой. Это значит, что я её сюда прикатила до этого, а если прикатила, то зачем?.. Итак, я всё не переставала говорить, спокойным, ровным тоном:

– Это Корнелия, с первого уровня... Я садилась в лифт, чтобы... – Ногти мои впились в ладони, а кулаки вжались в карманы халата... Я никак не находила даже такой простой причины, почему я села в лифт! – Я садилась в лифт, чтобы сбежать за сигаретами, а тут...

«Что тут?!!!»

Я уже приближалась к последнему ряду холодильных камер, когда костяшки пальцев моих, сжатых в кармане халата в кулак, чуть не поранились обо что-то острое. Это была ламинированная табличка водительских прав Гафура Ибрахимини.

Конечно же! Ламинированная табличка! Права!!!

– Я садилась в лифт, – затараторила я теперь с невероятным облегчением, – а тут на полу водительские права. Я запомнила, что лифт-то я вызывала с этажа «Z», вот я и решила спуститься, отдать, пока не поздно, хозяину...

Тут мы очутились напротив друг друга в проёме прохода. Я увидела перепуганную Светлану и захохотала – отчасти искренне, отчасти, по роли.

– Ах, – хохотала я, – это вы, Светлана! Тогда я точно не по адресу!

Подойдя к ней, я на несколько секунд разжала ладонь, так, чтобы она увидела в моей руке табличку водительских прав, но не успела при этом ничего толком разглядеть.

– Права-то принадлежат мужчине!!! Или это ваш любовник? – поинтересовалась я уже ради смеха. – Вы не теряли прав на вашего любовника?..

И тут-то начался настоящий ужас: обострённым слухом я вдруг уловила, как, очнувшись от ступора, начал колотиться в железную дверь холодильника мой подопытный кролик.

– Что касается меня, я нисколько не боюсь потерять права. (Я взяла на тон выше, в отчаянии теперь боясь умолкнуть.) – Вы знаете, Светлана, я с некоторых пор открыла, насколько полезны пешие прогулки... Вы не можете себе представить...

Она перебила меня сама. Меня, веселящуюся ни с того ни с сего (по её мнению); меня, на самом деле почти запаниковавшую:

– Конни, вы так спокойно чувствуете себя в этом ужасном месте... Знали бы вы, как мне здесь дурно! Я прошу вас, не уходите, пока я тут всё не закончу! Вы меня здесь покараулите, а потом мы пойдём вместе пить кофе... Я вас приглашаю. К нам в подсобку на третьем... У нас там есть своя кухня!

А часы между тем тикали... Сколько он там ещё будет тарабанить по стенкам, пока у него не кончится воздух?

Светлана говорила и говорила, сменив меня на посту

«говорильщицы», а я слышала: «бум-бум» и сдавленные крики: «Помогите...» Неужели, она ничего не слышит?!!

В этот момент Светлана призналась:

– Вы не можете поверить, Конни, насколько у меня здесь напряжены нервы! Всякий раз, когда я спускаюсь в этот морг, мне кажется, что одна из дверей этих холодильников распахнётся, и страшный, посиневший или обгоревший труп...

Она не договорила. «Бум... бум...», – послышалось, словно из преисподней, – «Помогите!!! Помогите кто-нибудь!!!»

– Вы слышите что-нибудь? – Светлана чуть не села на пол.

– Я ничего не слышу, – весело сообщила я, проклиная свою судьбу и пытаюсь заглушить сдавленные крики. – Я ничего не слышу и не вижу никаких покойников. Я вижу только напуганную девушку, которой очень не хочется оставаться здесь, в морге, одной.

– Ой, ой, как не хочется! – в отчаянии заговорила Светлана, расправляя свою тряпку и вновь принимаясь за работу.

Моё решение уже созрело. Нужно было только немного выждать, чтобы вся эта история не показалась подозрительной.

– Хорошо, – произнесла я весело, прислушиваясь краем уха к доносившимся из холодильной камеры звукам.

Парень тем временем перестал колотиться. У моего подопытного кролика кончился кислород. Теперь у меня в запасе было минут пять. Через пять минут у него начнётся агония, и он вновь поднимет шум. Затем – кислородная недостаточность и, как следствие – кома. Я могла сколько угодно рассказывать парню сказочку о том, как он превратится в кубик для коктейля без следов насилия на теле. В действительности же даже первого взгляда на него будет достаточно, чтобы понять, что живого человека заперли в холодильной камере, где он скончался от недостатка кислорода. Не надо будет даже вызывать специалистов.

– Хорошо, – произнесла я весело, – я постою тут с вами... знаете, почему?.. Потому что у меня к вам тоже будет одна просьба... (Одна минута прошла.) Я сегодня просматривала модный журналчик... Там есть статеечка про всякие трюки... ну, эти наши женские штучки с гримом, и так далее... Все считают меня гусыней... этакой дурой, которая совсем махнула на себя рукой... но вы даже не представляете, Светлана, как мне больно и обидно порою из-за своего внешнего вида... Посмотрите! (Я попыталась отвлечь её от клинической задумчивости, в которую она впала, взяв своей тряпкой по полу.) Видите? У меня прыщи... Я от этого очень страдаю... (Вторая минута на исходе. Сейчас у парня начнётся агония.) Так что «дашь» на «дашь»: я помогу вам с уборкой в морге. (При слове «морг» Светлана вздрогнула.) А вы сегодня же ночью сделаете мне хороший макияж, и, может быть, даже, масочку из чайных пакетиков, как советуют в журнале. Идёт?

Светлана выпрямилась и посмотрела на меня, словно на избавительницу. (Скорее, скорее, соображай! Он же помрёт у меня там!!!)

– Вы и в самом деле поможете мне?

– Не просто помогу, – насколько это возможно дружелюбно произнесла я, – а немедленно прогоню вас из этого страшного места и сама за вас всё тут домою. А вы пока пойдёте наверх и приготовите всё, что нужно для превращения меня в Синди Кроуфорд.

– О, Боже! Опять, опять я слышу эти звуки, – Светлана замерла на месте с тряпкой в руке.

«Это человек агонизирует, дура, – хотелось мне крикнуть ей, – и всё по твоей вине!»

– Ну что, по рукам? – жизнерадостно улыбнулась я, чуть не вырывая у девушки швабру.

– По рукам, – жалобно пискнула та.

– Тогда – шнель наверх и ждите меня в вашей распрекрасной подсобке.

Эта дура, наконец, отдала мне свою швабру.

– Тогда ждите меня. Я мигом.

Светлана заторопилась к двери, но замешкалась в поисках магнитной карточки, так что дверь для неё открыла я, чуть не вытолкнув суеверную православку из помещения.

Оставшись одна, я бросилась к дверце холодильной камеры, даже забыв выпустить из рук швабру – ну, сущая ведьма с помелом. Вовремя сообразив, что могу до смерти напугать умирающего, я отбросила швабру в сторону и потянула на себя тугую ручку.

Лицо парня посинело, глаза выпучились, а тело схватила судорога. Только искусственное дыхание могло бы спасти его теперь. Пару раз я хлестнула его по щекам – это помогает, как ни странно – а затем...

Затем произошёл чистый кошмар: входные двери вновь зашуршали.

Всё, что я успела сделать, это вновь задвинуть тележку с умирающим в холодильную камеру, захлопнуть дверцу и поднять с пола свою швабру.

В проходе появилась Светлана. Мы так и застыли друг перед другом: я, – всклокоченная фурия с метлой в руках, и она – бледная и явно чем-то озабоченная.

– Что ещё случилось?! – не выдержала я, позабыв свой нежный тон.

– Но вы ведь не хотите, чтобы я осталась без работы? – пролепетала жестокая и бессердечная русская девушка. В трёх метрах от неё решался вопрос жизни и смерти, а она рассуждала о такой прозе!

– Почему вы так решили?! – почти рывкнула я, теряя терпение.

– Вы мне поможете, то есть, выполните за меня мою работу, а потом по госпиталю поползут слухи, что я боюсь морга, что прошу других...

– Дорогая, – оборвала её я, – о том, что я вам помогла, не будет знать никто кроме нас двоих. И о том, что мы обе здесь были – тоже. И уж, подавно, о том, что вы помогли мне с макияжем...

И уже более сдержанно я добавила:

– Не хочу, чтобы говорили, что «гусыня решила прихорошиться».

Успокоенная моими аргументами, Светлана вновь принялась шарить по карманам в поисках магнитной карточки. Неужели нельзя было держать её в руке, если зашла на минутку?!!

...Наконец, я осталась одна.

Я бросилась к холодильнику, впопыхах перепутала дверцу, вытащила какую-то старуху, запакрованную, как и положено, в прозрачный целлофан, потом справилась с собой, потянула нужную ручку, и, уже больше не прислушиваясь ни к каким звукам и потеряв всякую осторожность, припала к посиневшим губам умирающего, вдыхая в его лёгкие воздух, дабы расправить их и заставить парня дышать самостоятельно. В мозгу только лишь мелькнула мысль, что если эта дура Светлана вновь задумает вернуться, хорошенькую картину я тут ей приготовила: сумасшедшая растрёпанная фурия, припавшая к губам холодного трупа!

– Чего вы хотите от меня, – еле доносился до меня слабый шёпот.

Я стояла, в бессилии прислонившись к дверям холодильных камер, благодаря Мадонну за то, что та не допустила смертоубийства.

– Где ты порезал руку? (Голос мой, несмотря ни на что, звучал уверенно и ровно.)

– Об консервную банку, – был ответ, – когда открывал...

– Послушай, – я наклонилась над ним, – ты ведь не хочешь снова уехать туда, в черноту?.. (Парень всё ещё лежал на демонстрационной тележке и был настолько слаб, что не мог даже сопротивляться. Только шептать мог он.) Или тебе понравилось в холодильнике для трупов?

По лицу его потекли слёзы.

– Чего вы хотите от меня?

– Я хочу знать, где ты поранил руку, – повторила я решительным тоном, и столь же решительно взялась за стальную рукоятку тележки, наполовину задвинув её в камеру, уверенная при этом, что ни за что в жизни не решусь вновь запереть его там.

– Карим! Карим убьёт меня, если узнает, – захрипел он возбуждённо, цепляясь скрюченными побелевшими пальцами здоровой правой руки за края камеры, как цеплялся, наверное, Хэнзель*, (*«Хэнзель и Гретель» Сказка братьев Гримм.*) когда старая ведьма совала его в печь. – Я обещал молчать!

– Слушай меня спокойно, – проговорила я. – Как твоё имя?

– Хасиль.

– А этот Карим... он твой друг?

– Да... друг... брат... но он...

– Машина BMW принадлежит ему?

– Ему... нам... у нас, у турков...

– Знаю. Всё общее и вдобавок круговая порука.

– Он убьёт меня!

– Если не убьёт тебя он, убью тебя я. Послушай, Хасиль, вы ездили с Каримом на стоянку «Ресторана под Пальмами?»

Кажется, я попала в точку: Хасиль вдруг как-то весь обмяк, перестал цепляться за края холодильной камеры, и голова его безвольно свесилась на бок. По побелевшей щеке потекли слёзы.

– Вы ездили на эту стоянку, – повторила я с утвердительной интонацией. – И с вами был ещё один человек, не так ли?

– Я не знаю, о чём вы говорите, – лёгким шелестом слетело с его губ.

Я продолжала, не обращая внимания на его шёпот:

– И этого человека звали Гафур Ибрахимини.

Теперь Хасиль тихо плакал не переставая, и можно было больше ни о чём его не спрашивать: всё и так было ясно.

Что рассказал Хасиль

...Они проследили за ним от Блюменштрассе до Хафеншпитце, где он припарковал свою тачку на стоянке за мостом, на той стороне торговой улицы. Он пересёк улицу, прошёл под мост и вышел на площадь перед пристанью. Он прошёл бы дальше, но они встретили его и

оттеснили к деревянным ступеням, где какая-то странная машина многозначительно и весьма двусмысленно заколачивала в землю огромные, длинные, тёмные сваи. Подошедших было четверо. Они пожали друг другу руки и двинули в сторону от гавани, миновав ресторан «Бельвию» и ещё пару кафе. Рядом с забегаловкой, где в прошлом месяце проходил праздник Брехта, стоял синий BMW-кабриолет. Карим подошёл к этому BMW, открыл дверцу, сел в салон и распахнул соседнюю. Хасиль и двое других сели на заднее сиденье, рядом же с Каримом сел Гафур Ибрахимини.

Гафур Ибрахимини не был турком. Он приехал в Германию четыре года назад, когда в Югославии во всю гремела эта заваруха. Он приехал один – вся семья его погибла под обломками во время одной из бомбёжек; и приехал очень богатым. По официальной версии, он продал на родине всю свою недвижимость и теперь имел наличными(!) круглую сумму денег. Если же верить грязным слухам, которые ходили по городу, он просто подобрал деньги с земли, в прямом смысле этого слова, когда американцы начали бомбить города. (Никто не знает, сколько миллионов долларов развеяло по ветру, когда на воздух взлетели банки и финансовые конторы.)

Как бы то ни было, но Гафур имел деньги, и эти деньги стали предметом охоты местных заправил. В турецком районе прекрасно знали, что он собирается открывать своё дело. Ресторанчик сербской кухни. Турки предложили Гафуру открыть ресторанчик в их районе – Баумвальштрассе и проулки, прилегающие к ней. Всё, что от него требовалось – это снять хорошее помещение и регулярно платить взносы за «крышу». Гафур отказался. По его словам, ему было выгоднее купить недвижимость у муниципалитета. Небольшой домик с участком земли где-нибудь в районе Блюменштрассе, где он теперь снимал жильё, обошёлся бы ему в полмиллиона евро. Это было надёжно. По крайней мере, надёжнее, чем попадать в зависимость к туркам, равно как и к представителям других диаспор, населявшим город.

Своим решением он разбил все планы турецкого клана. Отцы клана несколько раз посылали к Гафуру человека для переговоров, но решение упрямого серба было неизменным.

Человеком, разговаривающим с Гафуром, был Карим Бостанчи, сын того самого Садовника-Бостанчи*, (*Бостанчи в переводе с турецкого – садовник*) во владениях которого состояли почти все кафе-дёнеры в городе. Карим был упрям. Он действовал методом «взятия на таран»: «клиента» встречали прямо в городе, пожимали ему руку (что тому оставалось ещё делать, как не пожимать руки в ответ) и отправлялись в какое-нибудь «своё» кафе, чтобы ещё раз обсудить сложившуюся неприятную «для города» ситуацию. После пары таких «дружественных встреч» Гафур Ибрахимини стал ходить по городу с охранником – молодым человеком, тоже сербом; а если выезжал на своей тачке, то припарковывался непосредственно у тех мест, куда ему было нужно.

Всё это время Карим следил за Гафуром Ибрахимини. В тот день – это была пятница – им повезло: их «клиент» припарковал свою тачку на стоянке за мостом, по другую сторону торговой улицы. Он пересёк улицу, прошёл под мост и вышел на площадь перед пристанью. Там-то они его и прижали. Гафуру ничего не оставалось, как, пройдя метров пять сот, сесть в их тачку. Он был очень взволнован. На этот раз, можно сказать, просто напуган, и Карим решил действовать резко. Сделав круг по городу (во

время поездки они обменивались незначительными фразами типа «как дела»), синий BMW выехал на шоссе номер два и направился в сторону моря. Припарковались они на безлюдной в этот час стоянке, официально принадлежавшей ресторану «Под Пальмами». «Нейтральная территория», – как объяснил Карим.

Затем молодые люди вышли из машины, и Гафуру предложили прогуляться. Карим очень надеялся, что Гафур, решив, что на этот раз с ним не станут говорить по-хорошему, струсит и расколется.

Предложение оставалось всё то же: он, Гафур Ибрахимини, снимает в турецком районе хорошее, просторное помещение с двумя жилыми этажами наверху, где он может комфортабельно разместить всю свою семью...

– У меня нет семьи, – отрезал Гафур.

– Тем лучше, – парировал Карим Бостанчи, – лучше для нас: если мы тебя здесь где-нибудь прирежем, никто не будет суетиться и поднимать на ноги полицию.

Это была банальная угроза: Бостанчи-старший строжайше запретил кровавые разборки. Молодые люди об этом знали. Но Гафур-то не знал! Всё, что он сделал – это побежал, когда они немного отошли от стоянки, по неширокой, шириною с автоколею, грунтовой дороге.

Карим Бостанчи и его люди нагнали его у развилки, отрезав путь к ресторану и к морю. Гафур Ибрахимини вытащил из кармана нож. Завязалась драка. Карим не ввязывался, пытаясь контролировать ситуацию. Нож у парня отобрали, воткнув в траву. Куча мала распалась. Только тогда Карим заметил, что его брат ранен.

– Хасиль, у тебя ладонь в крови!

Хасиль вытянул перед собою левую ладонь, с изумлением взирая на брызжущие на землю капли крови.

– Подонок! – это орал Карим, – ты ранил моего брата!!!

Гафур на этот раз по-настоящему испугался и бросился бежать. Дорога к ресторану была отрезана, и он рванул в противоположную сторону, навряд ли соображая, найдёт он там людей или нет.

– Хасиль, – заорал Карим, – догони и задержи его!

Хасил выдернул из земли нож и кинулся за Гафуром. Остальные последовали было за Хасилем, но Карим остановил их:

– Это его дело. Он справится, не беспокойтесь. Он справится и приведёт серба назад. Вы что, не видите, что серб уже наложил в штаны?!!

...Хасиль вернулся один, весь перемазанный землёй.

– Где серб, – набросились на него, – упустил?

Задыхаясь от волнения, Хасиль признался, что – да, упустил, но во время драки, завязавшейся между ними, не помня себя от ярости, несколько раз пырнул серба в живот.

Этот факт мог иметь фатальные последствия: во-первых, Садовник-Бостанчи запретил кровавые разборки; во-вторых, Хасиль упустил раненого врага, подставив тем самым под удар своих родственников и весь клан.

– Бедный мальчик, – шептала я теперь.

Было уже далеко за полночь, и я уже как минут двадцать назад водрузила Хасиля на место, в его палату, подключив к капельнице и

притащив ему горячего чаю с мёдом.

– Значит, так получается, что твой собственный брат послал тебя совершить убийство?..

Он умоляюще посмотрел на меня.

– Хорошо, хорошо, молчу, – зашептала я ещё тише, – дай мне только слово, что ты не солгал, и всё так и было.

Он открыл рот, собираясь, как видно, начать оправдываться.

– Хорошо, хорошо, всё ясно. Я тебе верю, и мне очень жаль, что по чужой вине ты невольно стал преступником. Слово «преступник» я прошептала совсем тихо, почти неслышно для самой себя.

– Я не преступник... я никого не убивал, – так же тихо прошептал Хасиль. Приглушать свой голос ему не приходилось: слова еле вылетали из его пересохших губ, – серб удрал и прячется сейчас где-нибудь у своих друзей.

– Это, конечно, хорошее утешение, но он не удрал далеко, – зашептала я, почти готовая зарыдать. – Ты вспорол ему живот, словно консервную банку.

Если бы Хасиль при этих моих словах вскрикнул или хотя бы уставился на меня сумасшедшим взглядом, я бы опомнилась. Но я, словно в каком-то гипнотическом состоянии, тихим шёпотом продолжала, обращаясь, наверное, к самой себе:

– Он лежал... такой бледный, такой беспомощный, а потом прошептал: поцелуй меня, девочка! Ты такая красивая... поцелуй меня, я заплачу тебе... Представляешь, перед смертью он готов был заплатить за мгновение женской ласки!..

Я достала из кармана халата фотографию Гафура на ламинированной карточке и поцеловала её. И тут с фотографии на меня взглянули его хитрые чёрные цыганские глаза. И в ужасе я пришла в себя. Первое, что ударило в голову, это мысль: «Дура! Что же ты несёшь?! Очнись и заткни свой рот!!!» Второе же: «Я заплачу, – сказал он. Он заплатит... у него было чем заплатить, потому что...»

Откуда-то из другой вселенной до меня донёсся голос Хасиля:

– Перед смертью?! Так он умер?.. И вы знали об этом?.. Вы были там, когда он умирал? Вы говорили с ним?

В течение нескольких секунд я не могла сообразить, что мне делать. В какой-то момент после проявленной мною слабости, я ещё надеялась, что Хасиль не понял всего этого моего бреда, но теперь, после его слов... Усилием воли я подавила смятение, медленно встала и уже не шёпотом, а спокойным ровным голосом проговорила:

– Я разве что-то сказала?.. Я сказала, что знаю, где труп?!!

Больной, лежавший у противоположной стены, заворочался. Мне показалось, что Хасиль побледнел. От меня не ускользнуло, как он покосился на больничный* хэнди, лежавший справа, на тумбочке. *(В клиниках Германии запрещено пользоваться сотовыми телефонами. Для телефонной связи больным выдают специальные телефоны с оплачиваемыми карточками, работающие на частоте, не мешающей тонким электронным приборам.)* Взяв телефон, я вытянула из него карточку.

– Только попробуй, – прошептала я и добавила: – Жди. Сейчас мамочка принесёт лекарство.

О чём Хасиль умолчал

...После признания Хасиля в том, что он упустил смертельно раненного врага, ситуация резко изменилась. Вся компания бросилась искать Гафура Ибрахимини. Вначале с большой опаской и осторожностью прошли вдоль всех окрестных дорожек и тропок, затем рассеялись и начали прочёсывать лес. Всё безрезультатно. К машине вернулись в полном отчаянии, договорились отправиться в город, но Садовнику-Бостанчи пока ничего не говорить, самим прочесать улицы, а на Блюменштрассе, где серб снимал квартиру, поставить своих парней.

Вечером, промывая и перевязывая брату рану, Карим, мрачный, как туча, произнёс только:

– Будешь говорить, что поранился, открывая консервы.

Возникла новая проблема: Если Гафур Ибрахимини выбрался живым из передраги, следующий его наиболее вероятный шаг – обращение в криминальную полицию. Если же Хасиль и в самом деле несколько раз пырнул того ножом, и серб сейчас где-то в лесу смертельно раненный, его отыщут – не чужие, так свои – и направят в госпиталь. Итог тот же: криминальная полиция. Им ничего не будет стоить доказать, что все четверо были на стоянке отеля «Под Пальмами».

Каким образом?

– Собаки, – объяснил Карим. Собаки возьмут след и приведут, куда надо.

Наутро, в субботу, у Карима возник план: он наведается на стоянку. Более того: он поедет туда на своём BMW. Он оставит там свои следы и кучу свидетелей, которые потом подтвердят, что был он там, только не с сербом, а...

– С тёлкой, – возникла гениальная идея. – Да! Он приехал на стоянку с тёлкой, хорошенько оттрахал её там и убрался восвояси.

– Тёлка взбесится, будет тебя искать, – возразили ему.

– Это смотря какая тёлка.

...Тёлку наши самую подходящую – двадцатилетнюю немку, истекающую соком от вожделения. Вернее, она сама их нашла. Ключнула, можно сказать, на наживку. До самого последнего момента никто не знал, каким образом Карим собирается её трахать. «Она же страшна, как атомная война!»

Карим закадрил её в субботу; в воскресенье же, проследив до пристани, встретил на деревянных ступенях пирса. Достаточно было сказать «пошли», и она пошла. Что касается алиби, тёлка была – то, что надо: недотраханная гусыня – да; но ни в коем случае не шлюха. И не немецкая домина – из тех, что качают права, просто потому что «в мире есть только я».

Но тёлка вопреки ожиданиям начала-таки качать права. В понедельник вечером она отыскала Карима в кафе «Достлар» и бросилась к нему, словно он был ей мужем или любовником. И тогда Карим доказал, что он не зря называется сыном своего отца. Иными словами, он проявил смекалку и интуицию.

Итак, не стесняясь посетителей, тёлка рванула к нему, начала кричать, что не шлюха и что не может больше так жить. Эти слова слышали все, кто находился в этот момент в кафе. Находились в

основном турки, так что Карим ответил ей, будто машинально, на своём родном языке. Таким образом, говорил он не для тёлки, а для посетителей, с целью создать, так сказать, общественное мнение. Речь его была поэтичной и пламенной, и не запомниться не могла.

– Жэ-э-н-щина, – сказал Карим Бостанчи, – в нашем роду мужское братство всегда ставилось выше отношений с женщинами. Женщина – слуга; мужчина же – друг. Гафур – мой будущий партнёр по бизнесу, а значит и друг. Нэ трэбуй от меня невозможного, жэ-э-н-щина, я не могу уделять тебе внимание в ущерб дружбе и братству.

Ничего, разумеется, не поняв из сказанного, тёлка начала орать как резаная, набросившись на него с кулаками: «Я плевала на другого парня, мне на него, если хочешь, насрать, потому что я хочу только тебя, а парню тому желаю сгнить в могиле под гробовой доской!» После этих слов она выскочила из кафе, словно ей в жопу вставили ракету, и оставила после себя вполне понятное недоумение. Из разговоров и дальнейших расспросов Кариму стало ясно, что его пламенная речь и в самом деле запомнилась: во-первых, он говорил на их родном языке, а во-вторых – о вещах, которые были понятны и близки этим людям; крики же тёлки, да ещё на непонятном немецком, все во-первых, восприняли сквозь призму его, Карима, речи, а во-вторых, по незнанию языка, поняли по-своему, а именно: «Ты должен наплевать на этого своего друга, я же готова посрать на его могилу, и вот увидишь, так оно и будет, когда я накрою твоего кумпеля гробовой доской». Вот оно – различие восточного и западного менталитетов в действии.

– Про какого это парня она говорила?.. Кому она желает сгнить в могиле? – последовали вопросы.

– Друга моего прокинала, – был ответ. – Знаете, тот серб... Ибрахимини... Кафе он у нас открыть собирается. Отец это дело очень поддерживает.

Больше уже ничего добавлять не надо было. Карим спокойно вышел из кафе, оставив других рассуждать и укрепляться во мнении, что верно это сказано: женщина – слуга; мужчина же – друг; и не у Назима ли Хикмета позаимствовал Бостанчи такие поэтичные слова?..

В итоге складывалось теперь так, что истекающая соком гусыня хорошо влипла. В случае, конечно, если серба найдут мёртвым. Большого количества свидетелей того, как та обещала его прирезать и желать не надо!

Но это в случае, если серба найдут мёртвым. Если же серб объявится где-нибудь в клинике или в полиции, то всё, о чём он может говорить, так это о драке с холодным оружием, которое, кстати, принадлежит ему. Что касается деловых вопросов – да, они предлагали ему аренду помещения. Да, он отказался. Да, они ответили ему, что в любом случае готовы пойти на переговоры. При чём здесь поножовщина, скажите на милость? – Тем более, после таких пламенных слов о дружбе и братстве!

Во всей этой истории был теперь только один неприятный момент: в ночь с воскресенья на понедельник Хасиля увезли в больницу в полубессознательном состоянии с воспалением плохо продезинфицированной раны. Но, даже будучи в полубессознательном состоянии, тот пообещал молчать и на все расспросы докторов отвечать, что порезался, открывая консервную банку. Казалось бы, несложная задача? Все знали, что Хасиль справится. Он же мужчина!

Гусыню же решили оставить в покое: пусть истекает соком, пусть

бегают за Каримом. Это им всем теперь только на руку.

– Жди, – прошептала я, – сейчас мамочка принесёт лекарство.

...В следующие мгновения, всячески пытаюсь подавить панику, я делала всё почти одновременно: я забежала к Светлане и, даже не взглянув на её вытянувшееся лицо, сообщила, что сегодня с макияжем придётся повременить; я бросилась в ординаторскую на первом уровне и заказала такси, проклиная себя за то, что приволоклась сегодня в клинику пешком; тут же в сейфе для лекарств я отыскала шприц и пять миллилитров Триоксена – средства, которое должно было нейтрализовать Хасиля, который являлся теперь самым слабым звеном в цепи, держащей меня наплаву. Если Хасилю удастся в ближайшие несколько часов связаться с Каримом Бостанчи, мне крышка. Сломая голову я бросилась на второй уровень в палату номер двадцать шесть, вколотила упирающемуся Хасилю все пять кубов снотворного; затем стремглав полетела назад к себе, накинула прямо на халат куртку, схватила наплечную сумку и выбежала вон из блока. Минуты, пока я ждала такси, были самыми сумасшедшими, ибо обрекали меня на бездействие в тот момент, когда промедление и в самом деле было подобно смерти. Моей смерти.

Я скажу, что меня так волновало и почему я завертелась, словно ведьма на помеле и даже решила самовольно покинуть рабочее место: деньги. Я вспомнила до тончайших деталей рассказ Хасиля. «...Мы проследили за ним от Блюменштрассе до Хафеншпитце, где он припарковал свою тачку на стоянке за мостом, по ту сторону торговой улицы. Он пересёк улицу, прошёл под мост и вышел на площадь перед пристанью...» Здесь они и встретили его. И оттеснили к деревянным ступеням.

Я припомнила площадь на Хафеншпитце... *Он вышел на площадь и пошёл бы дальше*, – вот в чём была разгадка.

Словно воочию я увидела эту площадь. В своих мыслях я направилась к мосту, поднялась по ступенькам вверх, прошла мимо детской площадки, усыпанной песком, (впереди – гавань, слева – небольшой сквер) вышла к Хафенштрассе. В моём воображении передо мной предстало то, что должно было броситься в глаза каждому, кто проделал бы этот путь: Фленсбургский «Пост Банк»! ОН ПОШЁЛ БЫ ДАЛЬШЕ! Если бы эти идиоты его не остановили. Он шёл в банк и у него были с собой деньги. Были! Потому что, потребуйся ему круглая сумма – он мог бы получить её в любом гелд-автомате на любом углу; если же ты идёшь в банк, это значит, ты идёшь положить на свой счёт наличные. То есть, он собирался узаконить круглую сумму, ибо рассчитывать с государством... Боже Мой!!! В тот день он решил купить недвижимость у муниципалитета – небольшой домик с участком земли в районе Блюменштрассе!!! Эта сделка обошлась бы ему в пол миллиона евро, – так сказал Хасиль. И если Хасиль сказал правду, то в тот день, когда он проходил по площади, у него – у моего друга, у моего почти любовника, с которым нас объединяет одна тайна, лежали в кармане по меньшей мере пятьсот тысяч евро!!! Те самые пятьсот тысяч, которые позже, когда Гафур понял, что песенка его спета, он готов был променять на последний поцелуй женщины!!!

Такси несло меня по ночным улицам города к моему дому на Дубургер Штрассе. Там я схвачу ключи от своей Корсы, фонарь, хэнди и

уже по пути позвоню Герберту с просьбой одолжить мне Каренина для прогулки. Я скажу, что потеряла бумажник, и только Каренин может его найти. А после пусть он думает обо мне всё, что угодно. Герберт, разумеется, не Каренин.

Справа, за зданием ратуши и за холмами, усеянными оранжевыми черепичными крышами частных домиков, занимался бледный рассвет. Восходящее солнце приносило с собой этот роковой вторник.

Вторник

Откуда мне было знать, что Хасиль прячет под подушкой проклятый маленький хэнди, пронесённый в больницу тайком?.. Откуда мне было знать, что я сильно опоздала со своим Триоксеном – что маленький гадёныш успел позвонить своему брату ещё до того, как я, словно фурия, влетела в палату номер двадцать шесть со шприцем в руках?!!

Как ни в чём ни бывало, я выскочила из такси и бросилась в арку, ведущую в глухой двор моего дома на Дубургер Штрассе. Тут-то они меня уже и ждали. Карим и ещё какой-то тип, который, завидев меня, тут же шарахнулся в сторону.

Наверное, где-то в подсознании я была всё же готова к этой встрече, ибо, завидев синюю в предрассветном мареве тень Карима, ничтоже сумняшеся бросилась к нему в объятия.

– Карим, – почти орала я, рискуя разбудить всех в колодце двора, куда выходили окна сразу трёх домов, – милый, я всё знаю! Это так ужасно!!! Ужасно!!! Ужасно!!!

У меня было двойственное теперь к нему отношение: с одной стороны я боялась его, а с другой – хотела. Я хотела и боялась его одновременно. Может быть, это и называется «роковая страсть»?

Дальше приходилось импровизировать на ходу, ибо, что именно произошло ужасного кроме того, что они меня накрыли, я не знала.

– Это так ужасно! (В этот момент я поняла одно: скрывать от Карима свою встречу с Хасилем в «Святой Маргарете» будет полным безумием.) Хасиль мне всё рассказал! Но во имя всего святого, – я брякнулась перед ним на колени, – не делай ему ничего! Он был в бреду! Ему казалось, что его везут в покойницу! Я просидела рядом с ним, успокаивая, как могла, но он продолжал бредить и в этом бреду рассказал, что с вами и с этим злосчастным сербом произошло...

Казалось, Карим потерял дар речи. Такого поворота событий он явно не мог предсказать. Больше всего они ожидали, наверное, что, завидев их тени, я брошусь наутёк, ибо тип, что был с Каримом, отрезал мне путь к отступлению, как только я вошла в подворотню. Словно не замечая этого, я бросилась к этому второму, хватая его за руки и таща к Кариму, а затем обоих поволокла в проход между домом и палисадником, к своей двери:

– Идёмте отсюда быстрее, – орала я, – здесь нас могут увидеть! Идёмте ко мне, у меня безопасно!

Как видно, они сообразили, что девушка, очевидно, не совсем ещё сошла с ума, если печётся о своей и их безопасности. Так или иначе, мне удалось затащить их в свою квартиру, выиграв тем самым немного времени для того, чтобы сообразить, какие карты лучше теперь выложить на стол. Пока мы проходили мимо офиса Герберта, стараясь не греметь

обувью по довольно крутой деревянной трескучей лестнице, в мозгу моём стремительно пронеслось:

«В чём меня можно уличить? – Только в том, что я нашла труп. Ещё в том, что я с этим трупом успела переговорить. Карим знает, о чём я говорила с трупом – если они ждали меня здесь, значит Хасиль сумел-таки прозвониться к ним; и рассказал, разумеется, о минуте моей слабости. (Поцелуй меня, девочка, я заплачу.) Это ещё не значило, правда, что мы говорили с Гафуром о его деньгах. Любой мужчина вправе попросить у проходящей по улице посторонней женщины поцелуй, предложив в обмен скромную плату за него. Итак, если исходить из того, что Хасиль побоится выкладывать им историю о своём путешествии в морг и о том, как после этой поездки у него развязался язык (а следовательно, если исходить из того, что я не имею никакого представления об их тёмных делах), – я не могу знать и того, что Гафур закопал (конечно же, закопал – у него были чёрные, в земле, ногти!!!) где-то полмиллиона евро. Так что уличать меня не в чем, а вменить в вину можно лишь тот факт, что я знаю, где лежит труп».

«А теперь, Корнелия, самый важный момент. Если только они хоть на секунду догадываются, что в тот день в кармане у серба лежали пятьсот тысяч наличными, а это весьма вероятно: что иначе они делали бы здесь; так вот, если они догадываются, что где-то там в лесу лежат полмиллиона, то сейчас тебя либо изобьют до полусмерти, попыташь выколотить информацию о том, куда спрятал серб свои деньги, и не у тебя ли они уже; либо повезут на розыски трупа, так как ты, Корнелия, была последней, видевшей Гафура Ибрахимини живым. В итоге, они поедут добывать клад, а ты, как дура, им этот клад покажешь».

– Фига! Выкуси!!!

Это «Фига-Выкуси» совпало с хлопком двери, которая отсекала нас от всего остального мира. Три комнаты и кухня на этом, втором этаже, наверху – чердак; внизу – пустое сейчас бюро «Джем Штудио» – вот и весь дом. Если закрыть в моей квартире окна, я могу орать тут сколько угодно – меня никто не услышит. Проверено.

– Что ты делала в Святой Маргарете? – прохрипел Карим, немедленно приступая к делу, и своими сильными ручищами прижимая меня к стене. При этом я испытала оргазм.

– Работала. Я – медсестра.

(Я продемонстрировала свой белый халат, торчащий из-под куртки).

– Ты выслеживала Хасиля?

(Он прижимал меня к стене всё плотнее, и мне это всё больше и больше нравилось).

– Зачем мне его выслеживать... он попал к нам в больницу...

– Вы встретились там случайно?

– Насколько случайно может встретиться медсестра с пациентом.

– Ты лжёшь! Хасиль сказал, что ты его выследила и допрашивала! Ты издевалась над ним! Гусыня!!!

– Карим, – произнесла я искренне и нежно, – Хасиль не мог сказать тебе ничего вразумительного, потому что всё это время находился в пограничном состоянии. Его жизнь практически висела на волоске. Не знаю, что он там наболтал тебе, но одной из медсестёр Святой Маргареты он точно выложил нечто большее, чем полагалось бы. Когда я вошла – а я его сразу узнала, я же видела вас в Достларе, и потом в телефонной будке – он плакал и умолял, чтобы его не сажали на электрический стул за

убийство.

Хватка Карима ослабла. А жаль. Его сильные руки приносили мне истинное наслаждение. И ещё наслаждение, ни с чем не сравнимое, доставляла мне эта нелепая ситуация: одновременно я лгала, выкручиваясь, и говорила правду, сама себе умиляясь; любила Карима и ненавидела его. И, конечно же, думала о своих денежках, на которые они явно положили глаз.

– Когда я поняла, что Хасиль несёт полный бред, я сказала медсестре, что посижу с парнем, – продолжала я, – и тогда бред он нес уже мне. Не могла же я заткнуть ему рот! А, между тем, в палате все всё тоже слышали. Мне пришлось переложить его на каталку и отвезти в отдельную палату. При этом он чуть ли не орал: «не везите меня в морг, я ещё не умер»...

– Хватит, – прервал меня Карим, – я знаю.

– Ты знаешь что? – не унималась я, – что Хасиль нес бред, или то, что я спасла вас?.. Хорошенькую историю он мог бы рассказать персоналу клиники, в которую день назад поступил труп!

В помещении нависла пауза. Даже я – сама от себя – не ожидала такого поворота.

– Какой труп?! – Карим отпрянул от меня.

– Труп Гафура Ибрахимини! – выпалила я. – Вы же знаете, что я нашла его в лесу, в пятницу, когда ещё ничего не знала об этой истории! Что, как ты полагаешь, должна была сделать медсестра? Завалить раненного ветками и убежать, вставив ему в руку букет фиалок?.. Само собой разумеется, я попыталась оказать ему первую помощь, а потом выхватила хэнди и позвонила в клинику. Но к тому времени, пока приехала карета скорой помощи, он был уже в коме. А потом... кажется, ясно.

Карим и его кумпель, оба обомлели.

– Так значит, серб теперь в морге? – прохрипел Карим.

– Конечно, в морге, где же ему быть! Он скончался у меня на руках по дороге в «Святую Маргарету»!

Я вновь бросилась к нему в объятия:

– А что мне нужно было делать, Карим?! Тогда я ещё не знала ни тебя, ни всего этого ужаса, что с вами приключился!

– Зачем ты сюда примчалась? – теперь уже не таким уверенным тоном произнёс Карим.

– Как это зачем?.. (На этот раз я удивилась вполне искренне.) Я, на всякий случай, здесь живу, ем, сплю даже...

При этих словах я махнула в сторону спальни и выдохнула из себя воздух, как мне показалось, довольно чувственно.

– Зачем ты поехала домой? Хасиль сказал, что ты сделала ему укол какой-то гадости, от которой у него перехватывает дыхание, а сама бросилась вон из больницы!

– Милый, если бы не я, Хасиля давно не было бы в живых. У него был страшный приступ. Я спасла его. А потом, когда приступ миновал, поехала домой. Медсёстрам тоже полагается небольшой отдых.

Кажется, они мне поверили. Мы прошли в гостиную – одновременно мою спальню, соединённую с кухней, и я принялась заваривать чай, спросив как бы между прочим, не хотят ли они что-нибудь выпить. (Из фильмов про Джеймса Бонда я знала, что следующее, к чему может прибегнуть женщина в борьбе со своим врагом, если чары её

женственности не действуют, это к помощи алкоголя). Но выпить они не хотели. Ещё бы! На уме у них были одни денежки. И я понимала теперь, что без меня этих денежек они не отыщут. Так что я спокойно стояла на кухне, насыпая в чайник заварку, заливая её водой и жалея, что не прихватила с собой в карман халата пузырёк Триоксена, и столь же спокойно ожидала, когда они зададут мне самый главный вопрос: где я нашла тело серба.

Кухня от гостиной была отделена полупрозрачной китайской ширмой, и я слышала, как они тревожно и возбуждённо говорили друг с другом по-турецки.

Своими разговорами они очень помогли мне: я выиграла немного времени, и к тому моменту, когда прозвучал тот самый их вопрос, я уже знала, что ответить.

Карим прошёл на кухню и взял меня под руку:

– Нам нужно поговорить.

Я в этом не сомневалась.

Он провёл меня через прихожую в ещё одну маленькую комнатку, которая служила мне столовой. Здесь стоял мягкий диван, пара стульев и небольшой круглый стол посередине. Факт, что мы начали наш разговор тет-а-тет, доказывал то, что в вопросах денег он не доверяет никому, даже своим братьям по разуму.

– Где ты нашла серба? – пустил Карим с места в карьер.

– Какая теперь разница, – печально выдохнула я.

– Для меня очень большая, – он вновь крепко схватил меня за локоть. – Мне нужно сходить туда... Проверить, всё ли там чисто.

«МНЕ нужно сходить...» это было для меня единственным и последним шансом. Он не собирался тащить меня с собой. Значит у меня оставалась возможность удрать и опередить их. От этой мысли слёзы выступили у меня на глазах, и я принялась тихо, беззвучно плакать.

– Карим, – шептала я, прижимаясь к нему, – умоляю! Не ходи! Тебя выследят! Они же знают это место!

– Сейчас четыре утра, – спокойно и решительно проговорил Карим, – если ты мне скажешь, где это произошло, я сумею до полного рассвета пробраться незамеченным. Это было в лесу?

– В лесу. У того ручья, что впадает в море, прорезая пляж, – неохотно проговорила я, – он уже выбежал на дорогу, но, обессиленный от потери крови, упал, скатившись в овраг.

– Место! Точное место, – нетерпеливо вскрикнул Карим.

– У самого общественного туалета, того, что стоит особняком у подъезда к пляжу. Он полулежал, прислонившись к дальней стене.

Карим встал. По его лицу было видно, что он не сомневается в правдивости слов, сказанных ему дурой-гусыней.

– Мой кумпелъ останется с тобой, – заключил он. – Ты никуда не выйдешь из этой квартиры до тех пор, пока я не вернусь.

И добавил:

– А когда я вернусь, мы подумаем, как с тобой быть.

Я пропустила эти его слова мимо ушей.

– Карим, – проговорила я, – если ты и в самом деле решился туда пойти, я подскажу тебе, что нужно сделать, чтобы тебя не выследили. Чтобы ни одна полицейская собака, я имею в виду, ищеек, не напала на твой след.

Он посмотрел на меня вопросительно. А я посмотрела на него с

любовью и безграничной преданностью.

И, очевидно, он прочитал в моём неподкупном взгляде любовь и заботу, ибо тихо буркнул:

– Говори.

– Это место находится рядом с общественным туалетом, – начала я, – собаки-ищейки стойко реагируют там на все посторонние запахи, кроме запаха фекалий...

– И что? – насторожился Карим.

– А то, что тебе придётся сейчас раздеться, испачкать немного мой душ и вымазаться своим собственным дерьмом.

Карим дёрнулся, но я продолжала:

– Затем ты смоешь это дерьмо тут же, у меня под душем. Ты вновь будешь чист, но для собак-ищеек практически неуловим.

И я торжественно добавила:

– Это я говорю тебе как медик.

И, потупив глаза:

– И как женщина, которая вовсе не хочет, чтобы с тобой что-то случилось.

– Ты имеешь в виду, – он едва мог выдавить из себя слова, – что мне нужно вымазаться своим собственным дерьмом?!!

– Так делают многие преступники, когда хотят замести след. Так люди бегут из тюрем... Так... Пойми, Карим, это единственный способ не попасться в руки полиции!

Несколько секунд в его голове что-то проворачивалось, а затем он проговорил:

– Как ни странно, я тебе верю. Где у тебя ванная комната?

Внутри у меня сладострастно перевернулось нечто. В самой глубине, в «угробе».

Мы направились в ванную комнату, и я показала рукой на душевую кабинку.

– Выйди отсюда, – немного грубо бросил Карим.

– Перестань, – проговорила я ровным и спокойным голосом. Я сейчас для тебя не любимая женщина... (При этих словах он едва заметно ухмыльнулся). Я для тебя сейчас медсестра, которая знает, как это нужно делать.

– Как посрать соображу и без тебя, – вновь грубо бросил Карим, снимая с себя одежду.

Я восхищаюсь мужиками, которые умеют быстро, без лишних слов, сбросить с себя всё до последней штотки. Медленный стриптиз, такой подходящий для женщины, в исполнении мужчины – просто отвратительное зрелище. Не прошло и мгновения, как штотки его валялись на полу, а он стоял передо мной голый, а по ванной комнате распространялся этот ни с чем не сравнимый запах восточного тела – смесь пота и гормонов. Я начала медленно умирать. Сердце колотилось от одной только мысли, что вот он, Карим, здесь, в моей ванной, абсолютно голый и послушный моей воле.

Можно сделать ему комплимент – он довольно решительно ступил в душевую кабинку, бросив на меня взгляд. Никуда уходить я не собиралась.

– Выдавливай, – спокойно проговорила я, изо всех сил стараясь сохранять облик медицинской сестры, присутствующей при сдаче пациентом анализа, – выдавливай, сколько сможешь. Нужно обмазать всё

тело. Я тебе помогу. Спину ты не достанешь.

Карим присел на корточки, либо окончательно исполнившись доверием ко мне, либо махнув на меня рукой, и сосредоточился. Через секунду из его заднего прохода полезла хорошая, толстенная плюха. (Я бы сказала, у каких мужчин бывают такие толстые плюхи!) Когда плюха коснулась белого глянца эмали, он слегка привстал, затем лицо его исказилось, и не успела я произнести: «Этого достаточно», как на белую эмаль вылилась целая лужа жидкого дерьма.

Карим смутился:

– Джойнт... это бывает, когда...

– Знаю, знаю, – безучастно проговорила я. (Кто бы знал, каких трудов мне стоил этот безучастный тон!) Давай, приступай, не теряй времени. Уже светает. (Я указала на косою прямоугольник небольшого окна, темневший в дальнем конце ванной.)

Затем, сбросив блузку, я подошла к душевой. Матка моя перевернулась от возбуждения и необычности ситуации и встала поперёк. В лёгкие вошёл томительный запах. Если женщина сходит с ума по мужчине – этот запах для неё более возбуждающ, чем предмет, висящий у того мужчины между ног.

Присев на корточки перед своим первым мужчиной, я загребла в ладони тёплого, почти горячего дерьма, только что вывалившегося из его утробы, и принялась мазать этим дерьмом его поросшие чёрным волосом мускулистые ноги. В этот момент я почувствовала себя той самой восточной женщиной, что нянчит, по их восточному обычаю, мужчину с колыбели до самой смерти. Как мне показалось, для Карима ситуация эта так же не была особенно дикой, ибо выпрямившись во весь рост, и расставив руки, он позволял теперь делать с ним то, что нужно было делать ему, но предстоит сделать мне одной. Подумать только! Он ни разу не испачкал своих ладоней, пока я над ним колдовала! А член его, который я теперь имела возможность как следует рассмотреть, всё надувался, увеличиваясь в размерах, и когда я дошла до него, стоял, прилипнув к животу, словно та самая ручка от старых рейнметалловских холодильников.

Это была моя небольшая игра в потакание своим порокам, а так же небольшая месть человеку, который при всех в «Достларе» влепил мне пощёчину и обругал турецким матом. Женщина никогда не станет из мести пользоваться ножом или пистолетом. Женщине сама природа подсказывает способы намного более сладостные, чем выстрел и намного более мучительные, чем ранение в живот.

...Когда всё было закончено, я вновь, словно восточная женщина, обмыла его тёплой водой. Надо сказать, что после этой процедуры Карим превратился в мягкого, неуверенного в себе мужчину. Мне даже показалось, скажи я ему теперь: «возьми меня», он сделал бы это с покорной готовностью.

Несколько раз он засучивал у рубахи левый рукав, подносил к лицу свою красивую волосатую руку и нюхал её.

– Не сомневайся, – уверила его я, – теперь ты вне опасности. Если, конечно, будешь осторожен и не наткнёшься на них в лесу нос к носу.

Он кивнул.

– Если наткнёшься, никуда не убегай, – предупредила я, – можешь сказать, что искал целебные травы. Сейчас для них как раз сезон.

– Мой кумпель останется с тобой, ты никуда не выйдешь из этой квартиры до тех пор, пока я не вернусь, – буркнул он, проходя в спальню-гостиную.

Кумпель уставился на нас с крайним удивлением. Очевидно, из дверных щелей вместе со сквозняком до него донёлся запах, который, по его разумению, не имел никакого отношения к той цели, ради которой мы с Каримом уединились.

– Бла-бла-бла, гюрюм-дюрюм, – бросил Карим кумпелю что-то по-турецки и вышел вон из квартиры.

Теперь я стояла перед своим новым стражником. Стояла босиком, одетая лишь в джинсовую юбку и лифчик. Это была часть моего плана.

– Иди сюда, – сказала я кумпелю. – Тебя как зовут?

– Сами.

Я провела его через столовую в ванную комнату.

– Вот, смотри, Сами, что тут приключилось, – безучастно и несколько вяло сообщила я. – Он курил джойнт. (Я указала на белый кафельный пол возле душевой кабинки.) Поносом эта штука называется.

– Мы оба курили джойнт, – прищурившись, произнёс Сами.

– Надеюсь, тебя не прихватит? – бросила я, проходя мимо Сами в столовую, а затем в гостиную.

Смущённый от моих слов, а, может быть, за своего кумпеля, Сами последовал за мной, зачем-то держа возле уха хэнди – так охранники в боевиках держат наизготовку переговорное устройство. Итак, он, словно заправский охранник, двинул за мной. Я же успела опередить его, проскользнув в спальню-гостиную на несколько секунд раньше и схватив с кровати свою дамскую сумочку, в которой у меня лежали телефон, кошелек с парой евро, а главное – ключи от Корсы. Держа сумочку в руке, я навалила на руку разбросанные тут же штотки – джинсы, полотенце и блузку. Так что когда Сами вошёл, на правой руке у меня висела куча дамского белья и полотенце.

– Пойду смою всё там, приму душ и переоденусь, ты не возражаешь? – проговорила я.

Наверное, вид человеческого дерьма оказывает на мужчин парализующее действие, ибо Сами был столь же покорен, как и Карим, и не возражал. Он просто последовал за мной и остановился в дверях туалетной комнаты, вновь уставившись на белый кафельный пол, измазанный дерьмом, которое я намеренно роняла с моих рук, когда мазала Карима.

– Будешь подглядывать, пожалуюсь, – предупредила я, захлопнув перед его носом дверь.

– Эй, ты не удерёшь? – послышалось из-за двери.

– Вроде некуда, – отвечала я спокойным ровным голосом.

Тем временем, трясущимися от волнения руками я открывала прихваченную из спальни сумочку. Ключи от Корсы были здесь, хэнди – так же... И в этот момент из обшитого шёлком нутра вывалилась одна вещь, которая в то же мгновение подсказала мне способ побега из своего собственного дома. Это была кассета. То самое моё изобретение – «бемиситерский трюк», за который фрау Тельман назвала меня изобретательной и умной девочкой – кассета с записью сказочек в исполнении мамыши Тельман!

«Ты ещё не представляешь, кривая корова, какая я изобретательная девочка», – мысленно обратилась я к фрау Тельман, а вслух прокричала

за дверь:

– Если ты так за меня беспокоишься, Сами, я подекламирую тебе братьев Гримм, а ты сиди за дверью и слушай...

И добавила: – Только не вздумай подглядывать!

Я бросилась к стереосистеме, вспоминая добрым словом Герберта и его «Джем Штудию», вооружённую последним словом техники, воткнула в кассетное отделение кассету с голосом фрау Тельман, установила громкость ниже среднего, и, вдавив кнопку «Play», бросилась к душевым кранам. Вода из рассекателя обрушилась на эмалированную поверхность душевой кабинки почти одновременно с «тра-ля-ля» фрау Тельман, смешав тембр её голоса с шипением и свистом; а я уже, скинув юбку, натягивала на себя джинсы, трясущимися руками вытаскивала из сумочки хэнди и ключи от Корсы, распахивала всё по карманам, застёгивала на груди пуговицы моей домашней рубахи из байки...

Трюк, кажется, подействовал. Сами только проговорил из-за двери:

– Будешь читать такие сказки, крошка, я возьму и усну...

А я уже была возле небольшого косо вырезанного декоративного окна и пыталась раскрыть его без предательского скрипа. Ответить что-либо Сами я, разумеется, уже не могла: теперь, когда меня временно заменяла фрау Тельман, я была лишена права голоса. «Только бы сесть в машину, только бы сесть в машину» – дрожащим шёпотом выдыхала я. Всё, что произойдёт дальше, меня не волновало. Не волновал даже счётчик, накручивающий литры, десятки литров воды. Ещё было ясно, что Сами – не полный дурак, и что уже на третьей странице под непрекращающийся водопад, он спросит через дверь, не рехнулась ли я там часом, а потом, конечно, заглянет в ванную. Но это меня тоже не волновало. Я просто знала, что мне дано от силы три-четыре минуты, чтобы смыться отсюда.

Открыв оконце, я кое-как протиснулась наружу. В лицо мне пахло сиренью, наступающим утром и бризом с моря. Свежий бриз мгновенно отрезвил меня. Руки мои перестали дрожать и, затворив за собой раму, я бросилась по черепичной, слегка наклонённой крыше к тому месту, где было слуховое окно, ведущее на чердак соседнего дома, где обычно сушилось бельё, и откуда можно было прошмыгнуть на чёрную лестницу, ведущую в колодец двора.

...Когда я плюхнулась в свою Корсу, было уже четыре двадцать три. Сейчас... Сейчас начнётся... Если Сами выскочит на улицу прежде, чем я успею скрыться за поворотом Дубургер Штрассе, мне конец. Дрожащими пальцами я вставила ключ в замок зажигания, машина дёрнулась, и... тронулась с места.

Теперь я летела, превратившись из обычной корнелии-боящейся-сесть-за-руль в Михаэля Шумахера, по предрассветным улицам города на Сиреневую Аллею, где проживал Герберт, судорожно набирая большим пальцем правой руки его телефон, а левой рукой удерживая вырывающуюся баранку. Когда я почти юзом затормозила перед гербертовским домом, часы на панели управления показывали четыре тридцать пять, а я кричала в телефонную трубку, подбегая к его двери:

– Герби, открой скорее, пожалуйста, открой, это Корнелия!!!

Он открыл – заспанный, очевидно, с похмелья, в одних трусах. Рядом с ним вертелся, виляя хвостом и залиvisto лая, Каренин. Увидев

собаку, я задышала немного спокойнее, ибо знала, что иногда в начале рабочей недели Герберт отсылает Каренина к своей матери, что вовсе обрушивало мои планы.

– Герби, – почти кричала я, – мне нужен Каренин... и ещё мне нужны деньги. Доллары и евро! Пожалуйста, это очень важно! Я потом всё объясню!

Герберт оказался как никогда понятлив, и уже через пять минут я мчалась по улицам города в сторону «Бель Вю», к шоссе номер два, выводящему к морскому побережью. На заднем сиденье, на целом ковре из рассыпанных по обивке ассигнаций, одолженных мне Гербертом, сидел Каренин. «Нюхай, нюхай деньги, падла, – шептала я охрипшим от волнения голосом, – запоминай, как пахнут доллары и евро». Несколько раз вдохнув в себя типографский запах по-видимому, довольно новых купюр, Каренин потерял к ним всяческий интерес, мотая теперь головой во все стороны и предпочитая вынюхивать, куда это его везёт сумасшедшая дура. А я тем временем выезжала на шоссе номер два. Это был самый страшный момент, ибо Сами, по моим подсчётам, уже обнаружил моё исчезновение и позвонил по хэнди Кариму. Карим же, поняв, что я надула его, прекратит свои поиски (если уже не прекратил) и бросится на своём BMW в город – и именно по шоссе номер два. Иными словами, если так произойдёт, мы столкнёмся с ним на этом шоссе нос к носу, и тогда мне – крышка.

Шоссе было почти пусто в этот час. Изредка, когда в предутреннем тумане прорезывались и надвигались на меня всполохи автомобильных фар, я вздрагивала и вжималась в сиденье, не помня себя от ужаса. Миновав стоянку, на которой я припарковалась в пятницу, чтобы выгулять Каренина к морю, и на которую, по моим предположениям, свернул Карим на своём BMW, я вздохнула немного свободнее. Машины Карима не было видно. Правда, это ещё ни о чём не говорило: Карим не такой дурак, чтобы оставлять авто у всех на виду. Он наверняка проехал дальше, вглубь, по земляной дороге.

Ещё через три минуты я подлетела к стоянке ресторана «Под Пальмами». Выключив габариты, я свернула с шоссе, пролетела несколько метров вперёд, и тут из груди моей вырвался душераздирающий крик: на стоянке ресторана «Под Пальмами», прямо перед капотом моей Корсы из утреннего тумана неожиданно чётко вырисовался тёмно-синий корпус BMW.

Я едва успела ударить по тормозам.

Деньги пахнут

В какой-то момент я улетела в полную прострацию, боясь пошевелиться, не выключив даже зажигания, и лишь дико озираясь по сторонам, словно кролик, попавший в западню. Очнувшись, я принялась запирать дверки Корсы. «Милый мой, дорогой, – вертелось у меня в голове, – я не могла больше сидеть там и думать, что тебя арестовали... этот Сами... он не хотел выпускать меня, хотя я говорила, что мне непременно нужно к тебе... я надеялась просто разделить с тобой твою судьбу... если что-то случится...» На этот раз это было и в самом деле бредом сивой кобылы. На этот раз мне не отвертеться сказочками о любви. Странное дело! Я же любила его! И, тем не менее, с каждой

минутой он превращался в моего страшного, заклятого врага. «Мне не отмазаться, – шептала я пересохшими губами, – на этот раз нет... он прирежет меня и оставит мой труп валяться в канаве. И потом... Если он уже здесь, значит, он догадался обо всём. И теперь уж он не слезет с меня. Он будет резать меня по кусочкам, пока я не расскажу ему и о том, где на самом деле тело Гафура Ибрахимини, и о том, что я делаю здесь с собакой на поводке...»

Оглянувшись на заднее сиденье, где шумно дышал Каренин, поливая слюной светлую обивку и денежные купюры на ней, я зашептала ему в самое ухо:

– Хороший мой пёсик... ты теперь должен быть молодцом... Теперь у меня только на тебя надежда... Хотя бы на один миг перестань быть трусом...

Каренин жалобно зевнул, давая понять, что эта надежда отпадает.

Дрожащими пальцами я принялась вываливать на пол содержимое бардачка. Ничего подходящего для самозащиты я не нашла. Я вновь огляделась по сторонам сквозь запотевшие вдруг стёкла. Нужно было что-то делать. Уезжать прочь – значило потерять всё и позволить этому мерзавцу, которого я так любила, воспользоваться денежками, которыми он никогда со мной не поделится.

Я приоткрыла дверцу...

Затем высунула из машины левую ногу...

Коснулась ногой асфальта...

И тут я увидела его. Нет, не его, а просто тень. Но я узнала эту тень. Именно этот силуэт, отделившись от стены дома, приблизился ко мне там, в колодце двора. Мне показалось, он не ожидал моего появления, ибо тут же присел на корточки, скрывшись за кустарником. Кое-что мне стало ясно: как только он увидит меня, он тут же догадается, что я знаю всё. Он поймёт, что я приехала сюда за деньгами. Сейчас он либо выйдет из своего укрытия – тогда мне конец; либо будет следить за мной – тогда я смогу запугать следы.

И тут свершился очередной кошмар моей жизни. Весело взвизгнув, Каренин перепрыгнул через спинку переднего сиденья и рванул прочь из авто. Каким-то чудом я успела ухватить петлю поводка, и проклятая псина буквально выдернула меня из машины и поволокла по лесу, не разбирая дороги, так, что я еле успевала подставлять под себя ноги. Карим, не ожидавший от меня такого манёвра, остался далеко позади. Мы с Карениным мчались тем временем напролом, ломая кустарник; я обдирала себе щёки, чуть не выколола веткой глаз, но поводка не выпускала – сама не знаю, почему.

Он вынес меня на поляну. На ту самую поляну с поваленным деревом. Труп был всё ещё здесь. С букетом дикого шиповника в скрюченной белой руке, белевшим в предрассветном мареве. Каренин ткнулся носом в тело Гафура Ибрахимини, а я, отпустив поводок, упала перед телом на колени и принялась беззвучно плакать.

Вот тут-то и зашуршали за моей спиной сучья. Мне даже не нужно было оглядываться, чтобы понять, что это Карим. Выскочив на поляну, он бросился ко мне.

– Сука, стерва, тварь! Текущая гусыня!!!

Он поливал меня отборным матом, перемежая немецкие слова турецкими ругательствами:

– Ты водишь меня за нос, стерва! Что ты здесь забыла?! Где

деньги?!!

Продолжая бесшумно плакать – слёзы так и катились из моих глаз градом – я зашептала, обращаясь, скорее, к сербу, нежели к Кариму:

– Я и в самом деле сука... сука и трусливая гусыня... Почему я тогда не вызвала полицию?.. Я оставила лежать тебя здесь... Я обрекла тебя на смерть... Я – медсестра, которая давала клятву Гиппократата...

– Что ты там несёшь, дура, – заволновался Карим, приближаясь ко мне, всё ещё стоявшей на коленях и оплакивающей своего единственного друга. – Какой ещё Гиппократ? Что ты ему наплела? Какую клятву давала? Куда вы с ним перепрятали деньги?!!

Его глаза горели звериным огнём. Не поворачивая головы, я затылком чувствовала, как горят его глаза. И ещё я почувствовала, что сейчас мне в спину воткнётся нож.

– Мне плевать на твои деньги, – горько плакала я, – единственная моя вина в том, что я не позвонила в полицию и не сообщила о том, что обнаружила в лесу смертельно раненого человека. Человека, который, возможно, больше заслужил быть живым, чем ты, Карим!

– Давай, давай, исправь положение, звони теперь! – по-звериному прорычал Карим, и эхо пролетело по всему лесу так звонко, что я даже вздрогнула.

Я вздрогнула и потянулась к заднему карману брюк, куда я засунула свой хэнди.

– И позвоню, – продолжала горько плакать я. – Я позвоню, милый Гафур, я позвоню очень хорошему человеку... он – патологоанатом... он не позволит, чтобы тебе вспарывали кишки и проследит за тем, чтобы тебя похоронили, как приличного человека... если у тебя и в самом деле нет родственников, которые позаботились бы обо всём...

– Да, да! Позвони, – орал над самым моим ухом Карим, – пусть о нём позаботятся, потому что ты в это время будешь в местах очень отдалённых!!!

– Мне плевать, – забулькала я соплями, выступившими из носа и размазавшимися по всему лицу, когда я их вытирала, – мне плевать, где я буду.

Вытянув из кармана хэнди и заливая его слезами, я принялась набирать номер.

– Ты, сука, что ты делаешь?!! – испугался Карим.

Он всё продолжал топтаться у меня за спиной, боясь, как видно, взглянуть на начавший уже разлагаться труп.

– Ты знаешь, что с тобой сделают?!! Ты знаешь, что ты была его любовницей?!! Ты знаешь, что это ты пырнула его ножом, после того, как он закатил тебе сцену ревности?!!

Я обернулась к Кариму. Его лицо было похоже на белую маску; глаза же на этом лице и в самом деле горели, словно у голодного волчары.

– Да, – прокричала я, – я знаю, что я его убила. Я знаю, что я была его любовницей! И я знаю, что виновата в его смерти! Но можешь представить, мне глубоко наплевать, что со мной те...

Меня соединили. На том конце провода был Буркхарт Кребс. Приземистый, нелюдимый Буркхарт, который всегда пожимал мне руки и говорил при этом умопомрачительные и нескладные комплименты. Вот этому Буркхарту я и сказала, вернее, прохлюпала в трубку:

– Буркхарт... Это Конни... (В первый раз в жизни я назвала себя

Конни, а не Корнелия). Ты просил меня как-то пообещать, что если у меня возникнут нелепые и странные просьбы, то я могу обращаться к тебе... так вот, позвони, пожалуйста, в полицию и приезжайте... шоссе номер два, стоянка ресторана «Под Пальмами». Я нашла здесь, в лесу, труп. Это один очень хороший мой друг... Я тебя очень прошу... если меня арестуют...

– Тебя арестуют, падла, – зашипел мне под ухом Карим.

– Если меня арестуют, – продолжала я, не обращая на него никакого внимания, – сделай так, чтобы этот парень попал к тебе. Он мне очень дорог, понимаешь?

И я отключила связь.

– Сука! Ты всё же позвонила!!! Сейчас здесь будет полиция! Деньги! Где деньги! – орал Карим, до которого только сейчас, кажется, дошло, что, поговорив с Буркхартом, я тем самым вызвала полицию. Не помня себя от бешенства, он принялся метаться по поляне, бросился к поваленному дереву, брезгливо озираясь на труп, принялся шарить по земле под древесным стволом. Затем алчность, очевидно, победила брезгливость, ибо, оттолкнув меня в сторону, Карим склонился над трупом, перевернул его (руки Гафура разметались в стороны и букетик дикого шиповника выпал из его сомкнутой ладони) и принялся его обыскивать. Вытащив из заднего кармана джинсов связку ключей, он победно, по-звериному взвыл и, совершенно обезумевший, вновь стал метаться по поляне.

Вдалеке, со стороны шоссе номер два, послышались сигналы полицейской сирены. Карим подскочил ко мне.

– Ты и в самом деле вызвала... сука... Ты даже не представляешь, что тебя ждёт!!!

– Беги, беги, хрен, говном обмазанный! – не выдержала я. – Беги, пока они тебя не арестовали, спасай свою шкуру!

...И тут он мне вдарил. Вдарил в самую челюсть. Вдарил так, что на мгновение всё вокруг залило ярким светом. Этот свет ослепил меня, я покачнулась, упала на колени, вся измазавшись в грязи и ожидая, что теперь последует удар ножом. После яркой этой вспышки меня погрузило в кромешную тьму. «И смерть свою я даже не смогу встретить в глаза» – подумалось мне. Ничего вокруг не видя, я слышала только, как зазвенели ключи, вынутые из кармана брюк Гафура Ибрахимини, зашуршали ветки кустарника, и голос Карима послышался уже откуда-то издали:

– Тебе не удастся прикарманить эти деньги! – шипел он, по-видимому, бросаясь, словно заяц, прочь с поляны и сверкая при этом по-волчьим глазами. (Я не видела, но представляла это.)

Потом я услышала, как завёлся мотор его BMW, потом заскрипели покрышки, потом я осталась в лесу на поляне одна.

Я подползла к Гафуру.

– Бедный, – зашептала я, – что он с тобой сделал!

Я развернула тело Гафура на спину, поправила его голову, подняла букетик дикого шиповника, наполовину втоптанной Каримом в грязь, и вновь вставила его Гафуру в сомкнутую ладонь.

– Потерпи немного, – успокоила его я, – они уже едут. Буркхарт сдержит своё обещание, он проследит за тобой. Я бы сама тебя обмыла, но меня сейчас, кажется, арестуют...

– Знаешь, – продолжала шептать я, глядя в его мёртвое, покрытое трупными пролежнями лицо, – по сути дела, мне не нужны были твои

деньги... И тогда не были нужны, и теперь подавно. И ещё знаешь что, я очень жалею, что в тот день не поцеловала тебя. Очень жалею... ты можешь мне поверить?..

...И я приблизила своё лицо к его лицу, обняла ладонью его затылок и нежно, очень нежно прикоснулась губами к его губам...

...Я не знаю, куда они меня везут. Вернее, знаю: есть только два варианта. Либо в психушку, либо в полицию. Я сижу на заднем сиденье полицейского автомобиля в окружении двух булей. На руках у меня наручники. Если бы везли в психушку, надели бы смирительную рубаху... или?.. Машину раскачивает на поворотах, и були почти наваливаются на меня, прижимаясь ко мне плечами.

Буркхарт Кребс сдержал данное мне по телефону обещание. Конечно же, при этом нам хорошо подфартило в том, что Гафур Ибрагимини попал именно в «Святую Маргарету» и именно на стол к Кребсу. Остальное – заслуга Буркхарта. Заслуга же состоит в том, что он успел тщательно осмотреть тело до того, как в анатомичку нагрянули парни из криминальной полиции.

До сих пор я не могу понять, каким образом Гафур Ибрагимини сумел запихнуть **туда** такой толстый свёрток. Восемьсот тысяч евро, свёрнутые в трубочку – это должно быть, очень больно! И почему именно туда?..

А с другой стороны, куда ещё девать всё это ненужное ему теперь дерьмо, если глупая гусыня, которую он встретил в тот, свой последний день, посмеялась над ним, отказавшись принять деньги в обмен на простой поцелуй!

©Yuri Balabanov 2000 год.